
Глава вторая
В ЛЕДЯНОМ БЕЗМОЛВИИ АРКТИКИ

Близ арктического побережья Восточной Сибири, к северо-востоку от устья Лены, расположен архипелаг Новосибирских островов. Он состоит из трёх групп: на юге — Ляховские острова, к северу — собственно Новосибирские, ещё дальше на северо-восток — небольшая группа островов Де-Лонга (до революции они считались отдельным архипелагом).

Новосибирские острова известны с начала XVIII века, когда в тех краях побывали экспедиции отважных казаков. Они и открыли Ляховские острова, плоские и низкие, зимой почти сливающиеся с окружающими ледяными полями, летом — покрытые буровато-зелёной тундрой. Центральные острова архипелага (Котельный, Фаддеевский, Новая Сибирь) имеют более изменчивый ландшафт. Долго ходили легенды, будто там можно встретить ледяные утёсы, деревянные горы, а по берегам рек валяются кости мамонтов. Особо мрачные поверья были связаны с островами Де-Лонга, открытыми довольно поздно. Но об этом чуть ниже.

Из множества легенд, связанных с Новосибирскими островами, есть одна, самая главная, о которой слышал едва ли не каждый.

В 1811 году сибирский промышленник («охотник») Яков Санников побывал на Фаддеевском острове. С северного его берега, в ясную погоду, он разглядел вдали силуэт неизвестной земли. До неё было вёрст 45. Широкая полынья не позволила преодолеть это расстояние¹. С тех пор призрак Земли Санникова тревожил не одно поколение полярных исследователей. Хотя уже в 1822 году лейтенант П. Ф. Анжу, побывав с экспедицией в тех краях, попытался «закрыть» эту землю. Но он не смог неопровержимо доказать свои выводы, поскольку путь на север преградила всё та же знаменитая Восточно-Сибирская полынья².

В 1878 году шведский мореплаватель Нильс А. Норденшельд на шхуне «Вега» предпринял попытку пройти вдоль се-

верных берегов Евразии из Атлантического океана в Тихий. О Норденшельде долгое время не было известий, и издатель газеты «Нью-Йорк геральд» Гордон Беннетт решил снарядить экспедицию на его поиски. Лет десять тому назад этот же издатель отправил сотрудника своей газеты Генри Стенли на поиски пропавшего в африканских джунглях Д. Ливингстона. Эта экспедиция, успешно закончившаяся, прославила тогда и Стенли, и Беннетта и принесла крупный доход газете. Новой экспедицией, на паровой яхте «Жаннетта», руководил 35-летний лейтенант Джордж Вашингтон Де-Лонг.

В 1879 году «Жаннетта» отправилась навстречу Норденшельду. Пройдя Берингов пролив, она вскоре нашла зимнюю стоянку «Веги», и Де-Лонг узнал об успешном ходе экспедиции. После этого Де-Лонг предпринял самостоятельное путешествие по направлению к острову Врангеля, но через несколько дней «Жаннетта» попала в крепкие ледовые объятия. 21 месяц несли её льды в своём неторопливом движении на северо-запад, и путешественники как бы невольно делали одно открытие за другим. Так были открыты маленькие острова Жаннетты и Генриетты к северо-востоку от Новосибирских островов. 30 июня 1881 года ледяная стихия наконец закончила свои игры с попавшим в её ловушку кораблём: в результате мощного сжатия «Жаннетта» затрещала по швам и ушла на дно. Но моряки успели снять на лёд сани, лодки и провизию.

Четыре недели путники тащили за собой тяжёлые сани, прокладывая дорогу на юг, к берегам Сибири. А льды уносили их на северо-запад. 28 июля американцы увидели в тумане скалистые и обрывистые берега. Они знали, что это не желанный сибирский берег, что это — их новое открытие. Восемь дней 33 путешественника отдыхали на новооткрытой земле, которую назвали Землёй Беннетта, так и не узнав, каковы её размеры и не является ли она форпостом неведомых земель, расположенных далее на север.

На юг от Земли Беннетта лежало свободное от льда море. Самая значительная часть экспедиции, под командой Де-Лонга, разместилась на катере. Инженер-механик Мелвил возглавил команду вельбота — узкой длинной шлюпки с острой кормой. Мичман Чип повёл шлюпку-шестёрку. 12 сентября разразился шторм, который разметал шлюпки в разные стороны. Шестёрка погибла, а катер и вельбот в разных местах достигли устья Лены. Мелвил со спутниками был спасён эвенками. Из отряда Де-Лонга остались в живых только двое. Остальные, включая лейтенанта, умерли от голода и истощения³.

Открытую Де-Лонгом землю нанесли на карту. Впоследствии оказалось, что это самый большой остров в группе Де-Лонга. Он долго оставался неисследованным, и за ним закрепилась мрачная слава: живыми он не отпускает.

Дальнейшее изучение Новосибирских островов связано с именем Э. В. Толля.

Экспедиция под несчастливой звездой

Барон Эдуард Васильевич Толль родился в 1858 году в Ревеле. Окончил университет в Дерпте (позднее этот город переименовали в Юрьев, а сейчас он известен как Тарту). Дерптский университет был тогда своеобразным островком немецкой учёности в пределах Российской империи. Даже преподавание долгое время велось на немецком языке. Впоследствии Толль говорил, что слабость здоровья помешала ему стать врачом, и он вышел из университета зоологом⁴. По-видимому, Толль имел в виду свои слабые нервы и повышенную впечатлительность.

Первую свою экспедицию, в Алжир и на Балеарские острова, Толль предпринял как зоолог. Но затем его интересы сместились в область палеонтологии и геологии. Эти новые для него науки он осваивал с немецкой основательностью, прослушав соответствующий курс в Горном институте.

В 1884 году Толль получил предложение принять участие в экспедиции под руководством А. А. Бунге, которая имела целью исследовать побережье Ледовитого океана от устья Лены до Яны и Новосибирские острова. В 1886 году Толль впервые побывал на этих загадочных островах. Кости мамонта он обнаружил не только на Котельном, но и на Большом Ляховском. В Деревянных же горах на острове Новая Сибирь (сложенных, как оказалось, вовсе не из дерева) Толль открыл залежи бурого угля. Что же касается ледяных скал, то — да, некоторые острова в архипелаге действительно, как убедился Толль, в значительной части состоят из ископаемого льда — такого льда, который обнаруживается среди земных пластов и сохранился, вероятно, от ледникового периода⁵.

На остров Беннетта Толль тогда не смог попасть: помешала всё та же полынья. Но в ясную погоду с берега острова Котельного, к северо-северо-востоку от него, он разглядел однажды контуры неизвестной земли. На далёком горизонте явственно вырисовывались обрывистый берег и столбообразные горы. Расстояние до них Толль на глаз определил в сто с лишним вёрст. Это не мог быть остров Беннетта, ещё

более удалённый от Котельного и расположенный немного в другой стороне. Это была легендарная Земля Санникова. Сопровождавший Толля эвен Джергели, семь раз летовавший на Новосибирских островах, говорил, что неоднократно видел эту землю. «Хотел бы ты на ней побывать?» — спросил Толль. «Раз наступить ногой — и умереть!» — воскликнул Джергели⁶. С этого времени на географических картах Земля Санникова стала изображаться пунктирной линией на предполагаемом её месте.

Вернувшись из экспедиции и работая над подведением её итогов, Толль заболел тяжёлой формой неврастения с расстройством речи. В 1890 году ему пришлось лечиться на заграничном курорте⁷. На Новосибирские острова он снова попал в 1893 году. На этот раз он выполнял просьбу норвежского мореплавателя Ф. Нансена, который отправлялся на шхуне «Фрам» на восток вдоль берегов Сибири. Опасаясь участи Де-Лонга, Нансен просил заложить ряд продовольственных складов на Новосибирских островах. Толль выполнил просьбу. По ходу плавания, правда, эти склады не понадобились. Землю Санникова Толль на этот раз не видел, но она не выходила у него из головы. И постепенно пришло решение попробовать добраться до неё морским путём.

«Это втягивает, — говорил Толль. — Если вы раз побываете в полярных странах, заинтересуетесь ими, вас будет туда тянуть». Не один Толль, многие полярники говорили о властном притяжении Арктики. Вернувшись из второго путешествия, Толль начал пропагандировать план морской экспедиции в район Новосибирских островов и Земли Санникова. Дорогостоящий проект долгое время не утверждался, несмотря на все хлопоты. И только в 1899 году дело сдвинулось с места. 31 декабря Николай II, по докладу министра народного просвещения, утвердил Толля начальником экспедиции, снаряжаемой Академией наук «для исследования земли Санникова и других островов, расположенных за Новосибирским архипелагом», и дал санкцию на учреждение особой комиссии для снаряжения этой экспедиции⁸. В ходе работы над окончательным планом было решено, что после обследования района Новосибирских островов экспедиция продолжит путь на восток, обогнёт мыс Дежнёва и закончит путь во Владивостоке. Вспомогательная экспедиция должна была заложить на Новосибирских островах такие же склады, какие сделал Толль для Нансена, и провести ряд исследований на островах и на ближайшем побережье. В целом это комплексное исследовательское мероприятие было названо Русской

полярной экспедицией. Её руководителю Э. В. Толлю в то время исполнился 41 год.

Для целей экспедиции было закуплено судно, однотипное норденшельдовской «Веге» — «Харальд Хаарфагер», парусный барк с паровым двигателем, прежде использовавшийся для охоты на тюленей у берегов Гренландии. Дальность путешествия и предполагаемая зимовка жёстко ограничивали численный состав экспедиции. Было взято всего семь палубных матросов. Поэтому пришлось снять некоторые элементы парусного вооружения, и барк превратился в шхуну (или баркентину), которой дали новое имя — «Заря». Когда уменьшили площадь парусов, возросла зависимость от запасов угля.

Приказом по Академии наук от 8—10 марта 1900 года был утверждён окончательный список участников экспедиции, которых подобрал сам Толль.

Командиром судна стал 33-летний лейтенант Николай Николаевич Коломейцев, в прошлом — многолетний участник экспедиции по описи Белого моря. В 1893 году он ходил в составе экспедиции лейтенанта Л. Добротворского в устье Енисея. Перед назначением на «Зарю» был офицером на крейсере «Варяг», построенном в США и недавно прибывшем в Петербург. Колчак прежде не был знаком с Коломейцевым, но слышал о нём как об отличном моряке.

Первым помощником Коломейцева был назначен лейтенант Фёдор Андреевич Матисен, выпущенный из Морского корпуса на два года ранее Колчака, вместе с Дукельским и Стрельманом, и плававший с Колчаком на «Рюрике». В 1899 году он принимал участие в экспедиции на Шпицберген, куда не попал Колчак.

Третий офицер, А. В. Колчак, был самым молодым участником экспедиции (если не считать матросов).

Старшим же по возрасту был врач Герман Эдуардович Вальтер, специалист в области бактериологии. В 1899 году он участвовал в научно-промысловой экспедиции у Мурманского побережья и к Новой Земле под начальством профессора Н. М. Книповича. Вальтера и Толля связывала давняя дружба. В экспедиции Вальтер вёл некоторые работы в области зоологии.

Старшим зоологом был назначен сотрудник Зоологического музея Академии наук Алексей Андреевич Бялыницкий-Бируля. Ему было 36 лет, ранее он вёл работы на Соловецких островах, а в 1899 году побывал на Шпицбергене. Толль считал его одним из лучших знатоков полярной морской фауны⁹.

Настойчиво добивался включения в состав экспедиции

28-летний кандидат физико-математических наук Фридрих Георгиевич Зеберг, сын лютеранского пастора, преподаватель физики в училище при реформатских церквях Петербурга. Он был готов занять даже должность кочегара на «Заре». Но Толль решил, что он будет гораздо полезнее как астроном и магнитолог.

Из числа офицеров и научных сотрудников лишь двое, Колчак и Зеберг, прежде не бывали в Арктике.

Команда состояла из 13 человек: боцман Никифор Бегичев, старший механик Эдуард Огрин, матросы Семён Евстифеев, Сергей Толстов, Алексей Семяшкин, Иван Малыгин, Василий Железников, Николай Безбородов, машинист Эдуард Червинский, старший кочегар Иван Клух, кочегары Гавриил Пузырёв и Трифон Носов, повар Фома Яскевич¹⁰.

Вспомогательная экспедиция, которую возглавил геолог К. А. Воллосович, состояла из 11 человек. В неё, в частности, вошли политические ссыльные — студент О. Ф. Ционглинский и инженер-технолог М. И. Бруснев.

* * *

Приехав в Петербург в середине января 1900 года, Колчак на другой же день явился к начальнику экспедиции. Толль высказал пожелание, чтобы Колчак, кроме обязанностей вахтенного офицера, взял на себя часть научных работ. Поскольку он прежде уже занимался гидрологией, этот участок был за ним закреплён. Кроме того, ему следовало расширить свои знания в области астрономии и магнитологии и для этого позаниматься в Павловской магнитной обсерватории. Но прежде, как считал Толль, надлежало закончить комплектование команды, а для этого съездить к поморам в Архангельскую губернию.

Через несколько дней после возвращения в Петербург Колчак уехал в Москву, а оттуда в Архангельск. Там он встречался с губернатором, побывал в городе Онеге и других поморских местах. Поездка оказалась не очень удачной, поскольку поморы уже выходили на промысел. Удалось нанять трёх человек. Двое из них потом отпали из-за своего застарелого ревматизма, а третий, Семён Евстифеев, участвовал в плавании и был полезным работником. Толль считал его лучшим своим матросом. Начальнику экспедиции всегда приятно было узнавать, что его матросы интересуются чем-то в области науки и культуры. Он с удовольствием отмечал в дневнике, что Евстифеев собирает и издаёт северные былины, Толстов пишет стихи, а Огрин читает Дарвина¹¹.

Вернувшись в Петербург, Колчак поселился с Матисеном на одной квартире, начал занятия в обсерватории и закупку снаряжения для гидрологических исследований. Экспедиция находилась под «высочайшим» покровительством президента Академии наук великого князя Константина Константиновича и имела достаточно средств для приобретения всего необходимого. Гидрологическое снаряжение было заказано в Англии, Швеции и России. Колчак обратил особенное внимание на то, чтобы оно отвечало условиям глубоководной работы, которая намечалась по выходе «Зари» через Берингов пролив в северную часть Тихого океана. Для работ на больших глубинах Русская полярная экспедиция была снаряжена получше нансеновской¹². С этим же расчётом готовил снаряжение и зоолог Бялыницкий-Бируля, который ставил своей задачей показать последовательное изменение морской фауны Ледовитого океана от Атлантики до тихоокеанских вод. «Как оказалось впоследствии, — писал Колчак, — нашим почти одним планам сбыться не удалось, и теперь становится прямо жаль, когда думаешь, какое ценное и редкое научное снабжение по гидрологии и морской зоологии осталось неиспользованным»¹³.

В начале апреля была собрана вся команда. Коломейцев в это время был уже в Ларвике, маленьком норвежском городке близ Христиании (Осло), где на эллинге известного судостроителя Колина Арчера шло переоборудование «Зари». (Там же, кстати говоря, был построен нансеновский «Фрам».) По железной дороге, через Финляндию и Швецию, в Ларвик выехала и вся команда. «Работали мы дружно и весело», — вспоминал Колчак. В две-три недели судно было проконопачено, подвергнуто обжиганию и покрыто тиром — специальным составом из древесной смолы, сала и сурика. Правда, по выходе из дока обнаружилась небольшая течь, но тогда все решили, что для деревянного судна, только что проконопаченного, это обычное явление.

Из Ларвика «Заря» проследовала в Христианию, чтобы загрузиться углем и взять заказанное здесь снаряжение. «Я не стану описывать ни город, ни впечатления, которых в общем было мало, так как мы были слишком заняты судном», — писал Колчак. Он вообще не был любителем осматривать достопримечательности, если к этому его не подталкивала какая-то завладевшая им идея, как, например, интерес к буддизму, который заставлял его в Японии посещать древние храмы и тщательно осматривать раритеты в антикварных лавках старого Токио и Киото.

Ещё в Петербурге Толль настоятельно советовал Колчаку

по прибытии в норвежскую столицу разыскать Ф. Нансена и посоветоваться с ним по вопросам гидрологии. Знаменитый путешественник побывал на «Заре», а Колчак посетил его университетскую лабораторию. Нансен в это время готовился к отъезду в зоологическую экспедицию в северную часть Атлантики на специально оборудованном судне¹⁴.

Переход из Христиании в Петербург для опытных моряков был обычным делом, и в один из майских вечеров «Заря» становилась на бочку близ Николаевского моста на Неве. Никто на «Заре» ещё не привык к слабой её машине и нехватке рабочих рук. А потому подать на бочку канат стоило больших трудов. Поданный и закреплённый было канат лопнул. Пришлось отдать якорь, а потом опять возиться с бочкой.

Рядом стояла большая яхта под флагом императорского Яхт-клуба. Несколько молодых людей на её борту очень веселились, наблюдая, как соседи пытаются сладить с бочкой. Слышались колкие шутки, язвительные советы и смех — особенно когда лопнул канат. Колчак ещё раз подивился нравам русской аристократии. За границей он привык к более добрососедским отношениям на рейде¹⁵.

Вскоре на «Заре» побывал Николай II. Вот как описывал он в дневнике этот день: «29 мая. Понедельник. День рождения Татьяны: ей три года. В час дня поехал с Мишой в крепость на панихиду по Петре Великом в присутствии преображенцев, семёновцев и 1-й батареи Мих[аила] Павл[овича] (бомбардирская рота). Оттуда поехали на Английскую набережную и осмотрели стоящую у пристани шхуну “Заря”. Она готовится для северного плавания на Ново-Сибирские острова с экспедицией Толя. Вернулся в Царское в 4 часа прямо на теннис, где Аликс уже играла со всеми. Обедали вдвоём и покатались. Вечером убил двух ворон»¹⁶.

Упоминаемый в дневниковой записи Миша — брат царя Михаил Александрович, в то время — наследник престола. Аликс — императрица Александра Фёдоровна.

Этот год для царя был беззаботным и безмятежным. Так же, как и предыдущий. Как и последующие вплоть до 1904 года. А потом словно всё обрезало.

Более подробно посещение царя описано в отчёте Н. Н. Коломейцева:

«29 мая мы были осчастливлены высочайшим посещением государя императора. Его величество подробно осматривал “Зарю” и в конце обратился к начальнику экспедиции барону Толлю с милостивым вопросом, не нужно ли чего-нибудь для экспедиции. А нужда была обстоятельная. Нам не хватало угля. Вследствие монаршей милости уголь нам

отпущен из складов морского ведомства, так же как и много материалов, которых нельзя было достать в продаже. Морское ведомство открыло нам свои магазины, чем мы и воспользовались»¹⁷.

Через несколько дней «Зарю» посетил и великий князь Константин Константинович. Интересно, что в «полярной записке» Колчака эти визиты не отмечены. Почему — трудно сказать. Хотя в той же записке говорится, что «Зарёй» интересовались адмирал Макаров, полковник А. Н. Крылов (в будущем — выдающийся кораблестроитель, механик и математик), капитан А. К. Цвингман (командир макаровского «Ермака», в будущем — портартурец) и другие «компетентные в морском деле представители»¹⁸.

Всё это можно было бы принять за скрытые антидинастические настроения, но скорее всего молодой Колчак просто не придавал большого значения форме государственного правления, а великие князья и сам император казались ему чисто декоративными фигурами.

Судно загружалось различными продуктами и материалами, оседало, и течь увеличивалась. Большого значения этому не придавалось. Да и некогда уже было доискиваться, где проходит вода. Раздражали лишь частые поломки помпы.

В это же время появились трения между Толлем и Коломейцевым. Началось с того, что последний предложил придать «Заре» статус военного судна. В этом случае вся власть на корабле переходила к командиру, а начальник экспедиции становился как бы его подчинённым. Вполне понятно, что Толль отклонил это предложение. Колчак тоже считал, что военные распорядки мало применимы к условиям научной экспедиции.

Тогда Коломейцев начал настаивать на том, чтобы были чётко разграничены права и обязанности командира судна и начальника экспедиции. Толль уклонялся от решения этого вопроса и, по-видимому, полагал, что лучше исходить из практики научных экспедиций: ведь всё же Нансен распорядился на «Фраме», а не его капитан. Колчак мало интересовался всем этим, считая, что в общем деле не нужны формальные инструкции: работа всех объединит.

Накануне отплытия в Академии наук состоялось заключительное заседание под председательством Константина Константиновича. Присутствовали Толль, Коломейцев и Колчак. Коломейцев ещё раз поставил вопрос о точном определении его прав и полномочий. В результате была составлена коротенькая инструкция, мало что прояснившая¹⁹.

В тёплый ясный день 8 июня 1900 года «Заря» отошла от

пристани на Неве и взяла курс на Кронштадт. «Нельзя сказать, чтобы проводы “Зари” были особенно торжественны, — с оттенком горечи писал Колчак, — нас провожало небольшое общество добрых и близких знакомых — и только: вообще в Петербурге, не говоря уже про Россию, многие не знали про нашу экспедицию, но так как большинство “интеллигентного общества” едва ли знает о существовании Новосибирских островов, а многие едва ли найдут на карте Таймыр или Новую Землю, то было бы странно претендовать на иное отношение»²⁰.

Отплытие в хорошую погоду, говорят, не очень благоприятная примета. И когда «Заря» выходила в море, какая-нибудь несчастливая звезда, невидимая в солнечном сиянии, наверно, посылала ей свои лучи. Но начиналось всё хорошо.

В Кронштадте «Зарю» гостеприимно встретил главный командир порта и военный губернатор города адмирал С. О. Макаров. Два дня «Заря» загружалась углем, принимала инструменты и взрывчатые вещества. Вечером перед отъездом Толль был приглашён к Макаровым на обед, а на следующий день адмирал с супругой сам явился на «Зарю» и проводил её до выхода за бочки Большого рейда²¹.

Один за другим появлялись и исчезали знакомые с первых кадетских плаваний мысы и маяки. На капитанском мостике поочерёдно сменялись Коломейцев, Матисен и Колчак. Самая тяжёлая вахта, с 12 ночи до 4 утра, называлась «собачьей» — она была несколько укороченной. Режим на три вахты был не из лёгких. На военном судне обычно стояли на пять вахт, а при четырёх уже начинали роптать.

Под рубкой и капитанским мостиком находилась кают-компания. В неё выходили двери кают, где жили офицеры и научные сотрудники (четыре с левого борта и три с правого). В каждой каюте — небольшой столик, койка, умывальник, круглый иллюминатор. В кают-компанию свет проникал сверху — через люк со стеклянной рамой. Посреди стоял большой дубовый стол. На стенах висели портреты Константина Константиновича и Ф. Нансена. Великий князь подарил экспедиции пианино. В свободные часы Матисен исполнял произведения Шопена, Шуберта, Чайковского. Мог по памяти, без нот, воспроизвести финальную сцену из оперы «Кармен». Однако Толлю больше нравилась игра доктора Вальтера: «У него спокойный, звучный, гармонический удар, совершенно отвечающий его характеру». Но доктор редко садился за пианино.

В кают-компанию размещалась и судовая библиотека, частью закупленная, частью подаренная друзьями и знакомы-

ми Толля. Преобладали книги по полярной тематике — на пяти языках. Было много художественной литературы, которой охотно пользовалась команда. В. Н. Катина-Ярцева, присоединившегося к экспедиции много позже, поразило полное отсутствие книг по истории, философии и социологии. Видимо, они не интересовали Толля и его друзей.

Через маленькую переднюю из кают-компания можно было выйти на шканцы, то есть на среднюю часть судна, около грот-мачты. Другая дверь вела на бак (в носовую часть палубы), где размещались лаборатории. В одной из них Колчак сложил глубинные термометры, градуированные цилиндры и другую свою технику. Здесь он впоследствии работал. По соседству располагались лаборатория Толля, фотолаборатория, где возились с фотопластинками Матисен и Бируля, и зооботанический кабинет, где занимались Бируля и Вальтер.

Лестница с бака вела на нижнюю палубу, в кубрик, где обитали палубные матросы и рулевые во главе с Бегичевым. Рядом с кубриком находился камбуз. Там орудовал повар Фома. Кочегары и машинисты облюбовали себе тёмное помещение рядом с машинным отделением²².

Машина на «Заре» была слабая и не очень надёжная. Небольшая поломка случилась уже в Финском заливе. В Ревеле пришлось заняться срочной починкой. Здесь, в родном своём городе, Толль сошёл с судна, переправился через залив и поездом проехал в Христианию. Ему хотелось ещё раз посоветоваться с Нансенем. Из норвежской столицы он выехал в Берген и здесь встретил «Зарю»²³.

В Бергене, не желая подвергать перегруженное судно риску попасть в шторм, Толль и Коломейцев наняли лоцмана, чтобы пройти между шхер до северной оконечности Норвегии. Колчак, впервые здесь побывавший, надолго запомнил красоту норвежских пейзажей. «Местами шхеры удивительно красивы, — писал он, — и представляют оригинальные картины своими высокими отвесными скалами, нередко суживающими проход до какого-то узкого ущелья, по стенам которого тонкими нитями и пыльными столбами струятся потоки воды и небольшие водопады...»²⁴ Не очень ловкий стилист и человек с виду немного суровый, Колчак часто описывал природу, показывая порою настоящее литературное мастерство.

Дальше к северу шхерный пейзаж становился всё более мрачным. Безлесные вершины утёсов и скал напоминали о близости Арктики. В Тромсё «Зарю» покинул лоцман.

«Путешественники ехали без приключений». Эта знаменитая гоголевская фраза на иного пылкого читателя, быть

может, навеет скуку, но для самих путешественников она звучит, как музыка. Приключения мешают работе и расстраивают планы. Они никому не нужны.

В Тромсё начались приключения, хотя, наверно, и не такие, каких ожидает пылкий читатель. Около недели пришлось ждать заказанные в Англии угольные брикеты. Обитатели кают-компании плавали на байдарках, ходили в прибрежный лес тренироваться в стрельбе и обсуждали вопрос об обстановке в Арктике. (Норвежцы утверждали, что в этом году лёд спустился далеко к югу.) Команда, отпущенная на берег, занималась другими делами.

Наконец брикеты прибыли, их погрузили на борт. Но — опять задержка. Матрос Малыгин напился на берегу, устроил дебош и попал в полицейский участок. Дипломатичный Матисен поехал его выручать. Вызволненный из участка и доставленный на борт, матрос держался петухом, словом и делом показывая, что командир ему столь же не страшен, как и норвежские полицейские. Коломейцев доложил об этом Толлю, заявив, что провинившегося матроса надо высечь или списать с судна. В русской армии и на флоте в то время ещё существовали телесные наказания. Но гуманист Толль не мог этого допустить. Колчак тоже считал, что на научном судне такое ни к чему. Было решено списать Малыгина на берег в первом же русском порту.

Вскоре выяснилось и другое. Алексей Семяшкин, очень хороший матрос, заразился в Тромсё венерической болезнью. Доктор Вальтер настоял на его списании. Немногочисленная команда «Зари», таким образом, должна была уменьшиться на двух человек²⁵.

10 июля утром «Заря» миновала едва видимый в тумане мыс Нордкап и вошла в арктические воды. Горы постепенно выровнялись, начались серые и безжизненные плато Кольского полуострова.

11 июля судно вошло в обширную Екатерининскую гавань и встало на рейде Александровска-на-Мурмане. Этих названий сейчас нет на географических картах. В эпоху, когда отовсюду изгонялись имена царей, Екатерининскую гавань переименовали в Кольский залив, а Александровск стал Полярным. Современного Мурманска во времена Толля не было. На его месте лопари (саами) пасли своих оленей. В годы Первой мировой войны к незамерзающей гавани провели железную дорогу. Там, где закончился её путь, немного южнее Александровска, в 1915 году возник город Романов-на-Мурмане, потом переименованный в Мурманск.

Со стороны моря Александровск-на-Мурмане выглядел,

как игрушечный: церковь, новенькие домики, прямые улицы. Стоило, однако, сойти на берег и посмотреть на местный люд, как впечатление менялось: город населяли в основном ссыльные уголовники. Каков это народ, обнаружилось сразу, как только нескольких из них наняли на погрузку угля. Работали они настолько плохо и с таким отвращением, что через час или два пришлось всех рассчитать и грузить уголь самим — матросам, офицерам и научным сотрудникам.

«Заря» снова осела, течь пошла маленьким фонтанчиком, заработали помпы — это было уже привычное дело. Но Толль и Коломейцев знали, что путь предстоит длинный, а уголь расходуется со страшной быстротой. Все надежды возлагались на поморскую шхуну, приобретённую во время подготовки экспедиции. Она должна была доставить уголь из Архангельска к Югорскому Шару — проливу, который отделяет Баренцево море от Карского. Но в Александровске от архангельского губернатора была получена телеграмма, что шхуна натолкнулась на льды, потерпела аварию и вернулась назад. Сделали запрос в Архангельск и получили ответ, что повреждения незначительные и шхуна через два дня выйдет. Опытный Коломейцев сразу понял, что если за два дня можно исправить повреждения, значит, настоящей аварии не было. Команда не очень заинтересована в деле и тянет вольнку²⁶. Попадать в зависимость от таких людей было неприятно. Но, с другой стороны, губернатор лично занимался этим делом и знал, что экспедиция находится под «высочайшим» покровительством.

После погрузки угля команде разрешили сойти на берег. В ближайшем кабаке она устроила пышные проводы двум списанным матросам. Пиршество закончилось дракой с местными пропойцами. Дело дошло до ножей, но, к счастью, никого не зарезали.

Офицеры, на многое успевшие насмотреться, не придали этому инциденту большого значения. Матросы вовремя вернулись, никто на борту не бесчинствовал, никто не принёс спиртного — значит всё в порядке. Но Толль, узнав, что его матросы, такие славные ребята, схватились за ножи, сразу изменился в лице, не зная, что сказать и как поступить. Заметив это, Коломейцев не удержался от саркастического замечания насчёт либерализма и его печальных последствий. Толль вспыхнул, как порох. После этого, как рассказывал Колчак, они в течение двух часов «в очень вежливой форме наговорили друг другу кучу всякой дряни». В конце концов Толль заявил, что он списывает Коломейцева с судна, а тот

ответил, что не желает оставаться на «Заре» дольше утра и передаёт свои обязанности старшему после себя офицеру — Матисену.

Между тем наутро предполагалось отплытие. Матисен предпочитал ни во что не вмешиваться. Он был, по словам Колчака, «как всегда, слишком благообразен». Колчак же решил, что дело принимает плохой оборот: «Если с первых дней плавания начинаются списывания, да ещё командира, то это обещает полное разложение всей экспедиции». Колчак попытался поговорить с Толлем, а потом с Коломейцевым, но, видимо, он был неважный дипломат. Тогда он пошёл к Толлю и заявил, что вместе с Коломейцевым просит списать и его. Колчак знал, что это конец экспедиции: с одним офицером судно дальше не пойдёт. Неизвестно, как отнёсся Толль к этому ультиматуму, но к делу подключились мудрый Вальтер и тихий Зеберг. До утра из каюты Толля, на разных интонациях, доносилась немецкая речь. Матисен тоже, наконец, оставил политику невмешательства, и вдвоём с Колчаком они взялись за Коломейцева.

Под утро состоялось примирение в несколько, как писал Колчак, театрально-трогательной форме²⁷. Уже это говорило о том, что оно непрочно. Слишком они не подходили друг для друга — грубоватый и далёкий от науки Коломейцев и сентиментальный, впечатлительный и нервный Толль.

Утром обстановка на судне как-то сразу изменилась, тучи рассеялись: на борт взяли 60 ездовых собак, которые ожидали «Зарю» в Александровске. Им отгородили место на шканцах, но собачий лай разносился по всему судну. «Грязь, вонь и шум первые дни на палубе, конечно, были невообразимые, — вспоминал Колчак, — но ко всему можно привыкнуть, и через несколько дней мы уже не обращали на это особенного внимания»²⁸. Вместе с собаками были взяты и два каюра — Пётр Стрижев и Степан Расторгуев. С последним Толль был знаком по прежним экспедициям. Обоих зачислили на место списанных матросов, но первое время от них было мало толку.

18 июля, во второй половине дня, «Заря» покинула Екатерининскую гавань. Жизнь вернулась в налаженный круговорот дел. Команда завтракала в 7 часов, в 12 обедала, в 6 ужинала. В кают-компании в семь только пили чай или кофе, в полдень завтракали, затем следовал «файф-о-клок» (только не в пять, а в три часа). В 6 часов был обед. Вечером сходились пить чай²⁹. В те времена у простого народа и у образованных классов был разный распорядок дня.

Во время обеда и ужина в кают-компании завязывалась

беседа, в которой, как писал Толль в своём дневнике, всегда активно участвовали Бируля и Колчак, «человек очень начитанный». Матисен в шутливой манере пытался вовлечь в разговор Вальтера, своего соседа за столом. Доктор отвечал всегда остроумно, выстраивая к тому же русские предложения на немецкий лад. Все смеялись. Вообще же доктор, человек несколько замкнутый, редко участвовал в беседах.

После вечернего чая, когда никто уже не спешил, Колчак и Коломейцев рассказывали о своих южных плаваниях. Матисен и Колчак иногда начинали спорить. Толль писал, что они «неизменно придерживаются противоположных мнений». Колчак начинал горячиться и раздражаться, но добродушный Матисен умел не доводить полемику до точки кипения, и между офицерами сохранялись дружеские отношения³⁰.

О том, как проводила досуг команда, можно было судить по доносившимся из кубрика звукам гармоники или напевам под гитару.

По праздникам на нижней палубе с утра совершалось богослужение. Матросы пели молитвы. Колчак, за священника, читал Евангелие. Видимо, не случайно именно на него были возложены эти обязанности. В дальнейшем, во время зимовки, если Колчак находился в отъезде, за священника был матрос Толстов³¹.

«Наш гидрограф Колчак — прекрасный специалист, преданный интересам экспедиции, — писал Толль. — Руководство драгированием он также взял на себя. Бируля тоже прекрасный работник, кроме того, он располагает к себе благородством своего характера»³².

Первую гидролого-зоологическую станцию Колчак и Бируля провели на следующий день после выхода из Екатерининской гавани.

Застопорена машина, судно останавливается. Колчак опускает в воду термометры. Берёт пробу воды с разных глубин. Боцман Бегичев заводит над морем стрелу с тяжёлой драгой. Корабль делает тихий ход назад, невидимая под водой драга волочится по дну. Потом боцман умело подхватывает её, поднимает и опускает на палубу. В драге копошатся обитатели морских глубин. Жидкая грязь растекается по палубе. Вокруг драги собирается чуть ли не вся команда, с интересом разглядывая морских тараканов и прочую нечисть³³.

Бегичев оказался отличным помощником при драгировании. Между ним и Колчаком возникла даже взаимная симпатия, тем более что они были одногодки. Тянулся к Колчаку и матрос Железников, который в дальнейшем стал постоянным его спутником при топографических работах.

И всё же при проведении станций Колчак всегда испытывал такое чувство, будто по его вине задерживается судно. Коломейцев смотрел на эти занятия с плохо скрываемым недовольством. Просить его в такие минуты о какой-то помощи было делом бесполезным и неприятным³⁴.

Сделать топографическую съёмку побережья, измерить глубину — это Коломейцев понимал и делал. Но извлечение с морского дна разных тварей с задержкой судна и с грязью на палубе — это в его глазах, как видно, представлялось надуманной затеей, выдаваемой за науку.

Несколько дней «Заря» шла по спокойному морю при слабом ветре. Но при подходе к острову Колгуеву задул свежий норд-ост и пошла волна. Время от времени палубу заливало водой, собаки принимали солёный душ. Толль относился к качке спокойно, а Бируля, Зеберг и доктор страдали от морской болезни. 22 июля «Заря» прошла мимо северной оконечности Колгуева. В разрывах тумана были видны глинисто-песчаные обрывы его берегов. Кое-где лежал снег. Желтовато-синие тёплые струи Гольфстрима постепенно исчезали, уходя вглубь. Морская вода становилась мутной и зелёной — чувствовалась близость Печоры.

Рано утром 25 июля на горизонте обрисовались невысокие обрывистые берега острова Вайгач. На ровной, как зеркало, поверхности моря остановилось, как бы в нерешительности, несколько льдин. Но Югорский Шар был свободен. Толль и Коломейцев разглядели с капитанского мостика мыс Гребень, у которого была назначена встреча с угольной шхуной. Никакой шхуны там не было³⁵.

«Заря» обогнула мыс и остановилась в соседней бухте. Здесь же стоял пароход «Пахтусов», на котором полковник А. И. Вилькицкий по заданию Главного гидрографического управления производил обследование побережья Ледовитого океана и устья Печоры. Руководители двух экспедиций обменялись визитами. На «Пахтусове» лишнего угля не оказалось.

Ещё на подходе к Югорскому Шару Толль решил не ждать шхуну. Он горел желанием как можно скорее обогнуть мыс Челюскин — крайнюю северную точку Евразийского материка. Это дало бы возможность зазимовать на восточном Таймыре — в самой неизученной области на всём протяжении Северного морского пути. Если бы мыс Челюскин до конца навигации миновать не удалось, пришлось бы зимовать на западном Таймыре, гораздо более обследованном.

Обстановка в Югорском Шаре ещё более укрепила начальника экспедиции в принятом решении. Насколько мог видеть глаз, пролив был свободен от льда. Коломейцев, как

отмечено в «полярной записке» Колчака, был обеспокоен неполным запасом угля. Но там же говорится, что ни Толль, ни Коломейцев «не хотели терять времени и хорошей погоды, чтобы пройти Югорский Шар»: «Вперёд на всех парах!» «Предполагаю, что Карское море свободно!» — писал в дневнике Толль.

Каково было в тот момент мнение Колчака, остаётся неясным. Через год в своей записке он с неудовольствием отметил: «...Мы вечно куда-то торопились, как на пожар...»³⁶

В тот же день, 25 июля, «Заря» снялась с якоря и вошла в Карское море.

Толль имел склонность к рискованным решениям. Иногда ему каким-то чудом везло. Но чаще, по крайней мере в этой его последней экспедиции, одно такое решение впоследствии цеплялось за другое, и все вместе они вели экспедицию к трагическому исходу.

Вечером пал туман, но Колчак, стоявший на вахте, разглядел впереди широкую светлую полосу. Каждый полярный навигатор знал эту приметку. И действительно, вскоре появились поля разбитого льда, среди которых в тумане трудно было маневрировать. На следующий день судно попало в ледовую западню, из которой нескоро выбралось.

Коломейцев, вложивший в обустройство корабля много сил, писал, что «Заря» показала себя как отличное судно, послушно рулю, обладающее хорошей поворотливостью и малой инерцией. При угрозе столкновения с льдиной можно было с полного хода сразу дать задний³⁷.

Но «Заря» не была ледоколом. Поля однолетнего льда она крошила и раскалывала с ходу. Но натываясь на многолетний массив, судно сотрясалось всем корпусом, а на льдине оставалось только грязное пятно от форштевня. (Форштвень — брус, составляющий продолжение киля в носовой части.)

Стали действовать осторожнее, отклоняясь на юг и обходя ледяные поля. Издалека были видны пологие холмы полуострова Ямал. 30 июля на горизонте показался остров Кузькин, на восточном берегу которого находится бухта Диксона, названная по имени коммерсанта, финансировавшего экспедицию Норденшельда. (В дальнейшем, когда на острове развился порт, к нему перешло название гавани, а первоначальное название острова было забыто.) На Диксоне решено было остановиться, чтобы почистить котёл и дать отдых команде³⁸.

Когда бросали якорь, кто-то вдруг крикнул: «Медведи! Белые медведи на берегу!» Они отчётливо выделялись желтовато-белыми пятнами на тёмном фоне скал. «Три медве-

дя! Четыре! Пять!» — досчитав до пяти, доктор Вальтер, задлый охотник, бросился в каюту за ружьём.

Отдыхающие медведи встречали охотников, почёсываясь и позёвывая. А некоторые, слышав шум и выстрелы, шли любопытствовать из глубины острова. Стреляли почти все. Даже повар Фома успел отличиться. Охотники часто не могут вовремя остановиться: было убито 10 медведей (лишь пятерым удалось убежать). Медвежатина была подана к столу, но восторгов не вызвала. «Если точно определить вкус медвежатины, то я должен сказать по совести, что мясо вкусно, но противно», — писал Толль. До отхода «Зари» успели разделать и переправить на судно только пять туш, остальные пришлось бросить³⁹. После этого Толль стал придерживаться охотничьи страсти: к чему бить больше, чем можно унести?!

5 августа «Заря» снялась с якоря и взяла курс к берегам Таймырского полуострова. Судно поднималось в высокие широты. Ледовая обстановка становилась всё труднее. Когда достигли Таймыра, плавание в открытом море стало невозможным. Удавалось продолжать путь только в шхерах, между высокими и плоскими островками. Но в многочисленных проливах подстерегала мель. Однажды просидели на какой-то банке чуть ли не сутки, испробовали все способы, чтобы сняться, работали до изнеможения всем составом экспедиции. Съехали на глубину только с приливом. После этого часов на шесть Толль разрешил всем отдыхать⁴⁰.

Борьба со льдом приняла изнурительный и безнадёжный характер. Судно пыталось пробиться на северо-восток, а льды теснили его назад. Несколько раз «Заря» оказывалась запертой в какой-нибудь бухте или фиорде. Однажды простояли 19 дней. Собирались уже остаться здесь на зимовку, но вдруг распахнулись ледовые двери, вспыхнули новые надежды, судно снялось с якоря. И снова в бесплодной борьбе со льдом сжигались тонны драгоценного угля.

Только теперь Толль по-настоящему оценил, как повезло в своё время Норденшельду. Тогда дули северо-восточные ветры, было гораздо холоднее. Но эти же ветры удерживали у берегов тёплые воды, приносимые в Арктику Обью и Енисеем. За одну навигацию «Вега» обогнула мыс Челюскин и дошла чуть ли не до Чукотки. Теперь было относительно тепло, но юго-западные ветры угоняли далеко в океан воды великих сибирских рек, а с тыла, из океана, к берегам Сибири заходили тяжёлые многолетние льды⁴¹.

Между тем тундра пустела. Уходили на юг стада оленей, улетали птицы. В ночь на 4 сентября путешественники впер-

вые увидели северное сияние, протянувшееся с юга на северо-запад полосой слабо полыхающих желтовато-зелёных лучей. А в другой раз, тоже вечером, в кают-компанию вбежал вахтенный: «Впереди виден огонь!» Все бросились на палубу. Неужели это «Ермак», пробившийся к полюсу «напролом», возвращается назад? Может, адмирал Макаров поделится углём? Сквозь полосу тумана был виден далёкий пурпурный огонёк. Приглядевшись, Зеберг сказал, что это Венера⁴².

22 сентября 1900 года «Заря» остановилась на зимовку близ бухты Колина Арчера⁴³, названной Нансеном в честь того самого судостроителя, на верфи которого переоборудовалась «Заря».

* * *

На Таймыре экспедиция оказалась полностью оторванной от человеческой цивилизации. Здесь не было даже ненецких кочевий. Сами ненцы, по рассказам Толля, объясняли это тем, что их не пускают туда медведи: «Когда мы приходим, они собираются вместе и прогоняют нас». Белых медведей они считали как бы особым народом, имеющим свою территорию⁴⁴.

Начало зимовки было отмечено небольшой пирушкой. В кают-компаниии пили шампанское и коньяк, команде выдали пиво. После этого Толль установил строгий закон: спиртное только по праздникам.

«Заря» вскоре вмёрзла в лёд. Собак переселили на берег, стали ходить на лыжах и строить из снега метеорологическую станцию. Потолок и стены в ней завесили парусами, чтобы не капала сверху вода, когда нагревался воздух от человеческого дыхания и керосиновой лампы. С судна на станцию протянули телефон. Дежурство на станции было круглосуточное, показания приборов снимали каждый час.

И всё же Толля не оставляла мысль побывать на восточном Таймыре. Чтобы добраться туда кратчайшим путём, надо было пересечь по тундре с запада на восток полуостров Челюскина. Эта экспедиция намечалась на весну 1901 года. Но без промежуточного склада достичь восточного берега было невозможно. И Толль решил заложить такой склад до наступления полярной ночи.

10 октября собралась в путь две тяжело нагруженные нарты. На одной ехал Толль, а каюром был Расторгуев, на другой — Колчак с кочегаром Носовым. Провожать вышла вся экспедиция. Раздался свист, и собачья стая с диким воём рванула вперёд. Толль успел вскочить на полозья, а Кол-

чак ловко взобрался на высоко нагруженные сани, как на грот-мачту, и уселся на самом верху.

Эта первая поездка была, как блицкриг, самой короткой и удачной. И это несмотря на то, что продвигались только днём, три-четыре часа, что морозы доходили до 30 с лишним градусов. В палатке же было —20. Отсыревшая от пота одежда превращалась в твёрдый панцирь, и её нельзя было снять без посторонней помощи. Спали в мешках. Когда утром из них вылезали, кто-нибудь обязательно задевал за козую стенку палатки, и на головы сыпался густой иней. Это заменяло умывание, от которого в походных условиях пришлось отказаться.

15 октября путешественники достигли залива Гафнера, где у высокой скалы заложили продовольственный склад. Отсюда весной намечалось начать путь в глубь полуострова. Наутро, перед отъездом, Толль увидел у склада куропатку. Схватился за ружьё, но она улетела. Днём раньше видели оленя, который пробирался на юг. Откуда они здесь в такое время? Зимуют ли в этих местах или возвращаются оттуда, где были летом? Но ведь там, дальше на север — только океан, только льды... Или...

Возвращение было столь же молниеносным. Только 18 октября вдруг закружилась метель. Но путешественники были уже в хорошо знакомом Таймырском проливе (между полуостровом Таймыр и одноимённым островом, гораздо меньших размеров). До «Зари» было недалеко, и собаки, почуяв жилище за много километров, неслись вперёд, не сбавляя хода. Когда буря неожиданно стихла, все увидели «Зарю» во льдах. Поездка длилась девять дней. Колчак, делавший в пути астрономическое определение некоторых пунктов, существенно уточнил прежнюю карту, сделанную по данным экспедиции Нансена⁴⁵.

На следующий день по возвращении началась полярная ночь. В середине дня на несколько часов светало. Это были какие-то странные, призрачные сумерки. Не было солнца, не было и теней. Со всего хода можно было влететь в сугроб или угодить в яму. Столбик наружного термометра теперь редко поднимался выше 30 градусов. В снежной лаборатории поддерживалась температура от —2 до +3. В кают-компании все привыкли к 8 градусам тепла.

В самую стужу и пургу начали шениться собаки. Материнского тепла не хватало, чтобы защитить новорожденных, и они погибали. Нескольких беременных сук перевели на судно. Однажды между двумя собаками вспыхнула яростная драка. Не поделили одного щенка, очень крупного и красивого.

В драке он был разорван на части. И потом больше жалела его, выла и тосковала как раз та собака, которая не была его матерью. Хотя у неё были и собственные щенки. У «братьев меньших» шла своя жизнь, не всегда понятная людям.

Признанным вожаком собачьей стаи был ненецкий пёс Грозный, с остроконечными ушами, узкими глазами и неопределённого цвета тёмной шерстью. Доказав своё превосходство каждому из рвавшихся к власти кобелей, он установил было свою единоличную диктатуру. Но однажды несколько псов объединились в коалицию и в свою очередь задали трёпку Грозному. На смену диктатуре пришло нечто, напоминающее конституционную монархию.

Судьба экспедиционных собак почти всегда была трагична. В лютую зимнюю стужу или во время пронизывающей пурги многие из них замерзали, оказавшись сбоку в клубке тесно прижавшихся друг к другу собачьих тел. Другие погибли в длительных поездках от голода и изнеможения. Очень часто случалось и так, что по обстоятельствам экспедиции приходилось освобождаться от стаи, полностью или частично. Собак, ставших ненужными, расстреливали или травили стрихнином. Такое было и в экспедиции Толля, а позднее — и Колчака. Редкая собака, по особенному своему счастью, возвращалась из экспедиции. И если уж академик И. П. Павлов в своей лаборатории поставил на пьедестал бронзовую собаку, то надо бы и где-нибудь за полярным кругом воздвигнуть памятник Собаке, оказавшей Человеку неоценимые услуги в познании Арктики.

Где-то в середине зимы Вальтер обнаружил у Бегичева и ещё у трёх матросов признаки цинги. Были приняты быстрые и решительные меры, победившие болезнь. Но Бегичев был убеждён, что помогли не лекарства, прописанные строгим доктором, а привычные для народа средства. Имея доступ к запасам спирта, боцман приносил в кубрик сосуд явно не аптечных размеров, и команда после отбоя приступала к лечению. Когда цинга прошла, Бегичев, по его уверению, перестал похищать спирт, а офицеры так ничего и не заметили. Но однажды Огрин позвал его попробовать «коньяк». Оказалось, что это тот же спирт с добавлением экстракта клюквы. Машинисты подделали ключ и давно уже навывались в запретное хранилище. Матисен однажды натолкнулся на пьяного кочегара, но тот сказал, что у него был собственный запас⁴⁶. Кают-компания и кубрик жили во многом разной жизнью. У кубрика было много тайн, так и оставшихся нераскрытыми.

Тем временем в кают-компании многие углубились в

чтение литературы о полярных странах. Только Матисен и Зеберг остались в стороне. Последний — по причине постоянной занятости магнитными и астрономическими измерениями и связанными с ними математическими расчётами. А Матисен — по отсутствию интереса. Толль высказал пожелание, чтобы каждый сделал доклад по полярной тематике, а также прочитал популярную лекцию для команды. В феврале 1901 года Колчак сделал для команды доклад о Великой северной экспедиции, а позднее Бируля рассказал о природе южных полярных стран⁴⁷. Для матросов это было в диковинку. В те времена для нижних чинов на флоте не устраивалось ни лекций, ни общеобразовательных курсов. Только неграмотных учили читать и писать.

Заядлые охотники не теряли надежды выследить какую-нибудь дичь. Доктор Вальтер, в белом маскировочном халате, в шапке, повязанной белым платком, едва ли не каждый день выходил для обозрения пустынных окрестностей. Однажды, возвращаясь на судно вместе с Толлем, он проговорился о давней своей мечте — совершить на собаках поездку на полюс. Главное — получить средства. Толль обещал своё содействие. Вальтер сдержанно ответил, что будет удовлетворён, если он не станет возражать⁴⁸. Доктор не любил приставать с просьбами и чувствовать себя кому-то обязанным. Оставалось непонятным, каким образом, при таких своих правилах, он надеялся найти средства.

Зимовка сближает людей. Или же подводит черту в их отношениях. Нам неизвестно, были ли во время зимовки новые стычки между Толлем и Коломейцевым. Дневник Толля впервые был опубликован в 1909 году в Берлине на немецком языке (язык оригинала). Готовя его к печати, Эмелина Толль, вдова путешественника, оговаривалась, что она опустила некоторые «не заслуживающие внимания мелочи совместной жизни членов экспедиции»⁴⁹. «Мелочей» в дневнике осталось вполне достаточно. Но, как видно, тщательно вымарано всё, что касалось конфликта с Коломейцевым. Колчак, писавший обо всём без утайки, довёл изложение в «полярной записке» только до прихода «Зари» в бухту Диксона. Известно, однако, что Толль, вопреки субординации, нередко давал поручения матросам через голову командира корабля, а Коломейцев был этим недоволен⁵⁰.

В середине ноября у Толля возник план разрешения угольного вопроса путём посылки Коломейцева на материк для организации угольных баз в гавани Диксона и на острове Котельном. «Лейтенант Коломейцев в смысле распорядительности, опыта, приобретённого им во время плавания по

Енисею в 1893 году, прекрасно подходит для этой миссии...» — писал Толль в дневнике, словно перед кем-то оправдываясь. Угольная база на Диксоне была нужна разве что для обратного плавания. По-видимому, Толль уже тогда оставил мысль пройти через Берингов пролив и собирался повернуть назад после открытия Земли Санникова. Что же касается угольной базы на Котельном, то устройство таковой было крайне проблематичным, и Толль, конечно, это понимал. В спутники Коломейцеву Толль определил Расторгуева, своего давнего знакомого, которым тоже не был доволен: он вдруг заприсился в отпуск⁵¹.

Коломейцев выслушал начальника экспедиции, не моргнув глазом и не выразив никаких чувств. Расторгуев же выглядел растерянным и обиженным: он вовсе не собирался в отпуск сейчас, когда экспедиция забралась так далеко на север. Он рассчитывал расстаться с ней позднее, когда «Заря» подойдёт ближе к человеческому жилью. Теперь же им, по словам Толля, предстояло преодолеть расстояние около 550 километров по безлюдной тундре (фактически потом оказалось больше).

Коломейцев и Расторгуев отправились в путь 21 января 1901 года — немного раньше появления солнца. Коломейцев попрощался с командой, передал корабль Матисену, обнял товарищей, обменялся рукопожатием с Толлем, захватил почту, и нарты тронулись. Предполагалось по океанскому побережью достичь устья реки Таймыры и по её руслу пройти через полуостров⁵².

Коломейцев и Расторгуев вернулись 3 февраля. Подвёл пустяк: в примусе засорился канал, прочистить который можно было только специальной иглой, которую забыли захватить. А без примуса нельзя было ни вскипятить чай, ни приготовить пищу из концентратов или дичи.

Переждав разыгравшуюся пургу, Коломейцев и Расторгуев уехали 20 февраля. Толль на этот раз попрощался только с Расторгуевым, который, жалобно на него посмотрев, попросил, в случае его гибели, переслать небольшой пакет его близким в Якутск. «Хорошо, — шутливо сказал Толль, — а если я погибну, то прошу тебя переслать мой пакет в Дерпт». После отбытия Коломейцева и Расторгуева Толль, однако, заметил несколько подавленное настроение у членов экспедиции, особенно у офицеров.

18 марта, к величайшему неудовольствию Толля, оба снова вернулись. Реки Таймыры не оказалось на том месте, где она была обозначена на карте. Путники пошли было по другой реке, которую приняли за Таймыру, но очень скоро подошли к её истокам. Свирепствовала пурга, путешествие бы-

ло трудным и опасным. Коломейцев и Расторгуев едва не погибли от нехватки продовольствия и собачьего корма⁵³.

Между Толлем и Коломейцевым состоялся длительный и нелёгкий разговор, оказавшийся безрезультатным. Доктору Вальтеру пришлось взять на себя роль посредника, хотя после недавнего желудочного расстройства он чувствовал себя неважно. Доктор сообщил, что Коломейцев предлагает идти другим путём, более известным и надёжным. Толль считал этот путь длиннее, но не стал возражать. Отпраздновав Пасху на «Заре», Коломейцев и Расторгуев выступили 5 апреля. С Расторгуева Толль взял обещание присоединиться летом к вспомогательной партии Воллосовича, а затем вернуться на «Зарю».

В мае 1901 года, преодолев 768 вёрст по таймырской тундре, Коломейцев и Расторгуев добрались до Дудинки. На всём протяжении пути Коломейцев вёл маршрутную съёмку, которая внесла существенные изменения в карту Таймырского полуострова⁵⁴.

Западное побережье Таймыра казалось местом довольно изученным, но по ходу зимовки обнаруживались всё новые загадки. С одной из них столкнулся Коломейцев: где устье Таймыры? Другая возникла как бы сама собою.

Однажды в конце осени зимовщики поехали на один из островов измерять глетчер. Вдруг собаки сорвались с привязи и вместе с нартами куда-то умчались. Каюры, бросившиеся вдогонку, заметили вдалеке стадо оленей. Собаки вернулись, но остались вопросы: почему олени всё ещё не откочевали на юг? Или они как раз туда и перебираются откуда-то с севера? Толль вспомнил одинокого оленя, которого они с Колчаком видели близ фиорда Гафнера, и куропатку, вспорхнувшую с заложенного склада. А в книге Норденшельда «Плавание на “Вега”» его поразило замечание о том, что у мыса Челюскин путешественники видели стаи птиц, летевших с севера на юг, покинув какую-то неизвестную землю⁵⁵.

23 февраля 1901 года по распоряжению Толля лейтенант Матисен и каюр Стрижев отправились в разведку на север. Матисен, как всегда, был весел, а Стрижев вообще отличался жизнерадостным нравом. Толль невольно противопоставил их паре Коломейцев — Расторгуев.

Матисен и Стрижев вернулись через две недели. Оба выглядели весёлыми и довольными. Они прошли на север через архипелаг Норденшельда до 77 градуса. Затем почему-то повернули на запад, наткнулись на торосы и вдруг обнаружили, что собачий корм на исходе. Стрижев, как

видно, кормил собак сверх нормы, чтобы поскорее вернуться.

Если бы с крайней северной точки своего путешествия Матисен и Стрижев повернули на северо-восток, то примерно через 150 километров они увидели бы большой остров. Ныне он известен как остров Большевик. Б. А. Вилькицкий, в 1913 году первым подошедший к его берегам, назвал его островом Цесаревича Алексея. Если бы Матисен и Стрижев продолжили своё движение строго на север, примерно через 225 километров они наткнулись бы на остров Октябрьской Революции, как именуется он ныне. Вилькицкий назвал его Землёй Николая II. В Арктике очень многое переименовано.

Толль остался недоволен поездкой Матисена. Через три дня он отправил его в новое путешествие, на этот раз с Носовым. Эта поездка длилась 10 дней. Матисен нанёс на карту два островка из архипелага Норденшельда, а затем наткнулся на очень тяжёлые торосы. Не преодолев их, он повернул назад⁵⁶. Если бы вместо Матисена пошли такие одержимые люди, как Толль и Колчак, результаты могли быть иными. Но Толль не стал менять планы. Склад у залива Гафнера уже заложен — значит надо идти на Восточный Таймыр. А с началом навигации впереди маячила «заветная цель». Погнавшись за призраком Земли Санникова, Русская полярная экспедиция в 1901 году прошла мимо настоящего, большого открытия.

Не только Толль, но и вся экспедиция верила в эту «заветную цель». 4 марта, когда отмечался день рождения начальника экспедиции, Колчак произнёс тост, выразив желание отметить следующий день рождения на Земле Санникова⁵⁷.

6 апреля Толль и Колчак отправились в санную поездку на полуостров Челюскина⁵⁸. К этому времени выявилась нехватка собак: 22 пали в течение зимы, восемь ушли с Коломейцевым, другие не успели отдохнуть после путешествий Матисена. Для поездки на полуостров Челюскина в наличии оказалось 12 здоровых собак. Этого было достаточно для одной нарты, но Толль взял две, по 300 килограммов на каждой. У Толля каюром был Носов, у Колчака — Железников. Все четверо шли рядом с нартами и порой сами впрягались в постромки. И всё же собаки тащили тяжело и медленно. За первый день прошли всего 16 километров.

На следующий день Толль отослал матросов назад, несколько облегчил груз, заложив склад на берегу моря, и взял на себя обязанности каюра. Это было нелёгким делом.

Толль должен был всё время выкрикивать командные слова, чтобы держать стаю в постоянном напряжении, говорить им на якутском языке (русского они не понимали) разные небылицы («Скоро будем дома!», «Там много вкусного корма!» и т. п.), распутывать постромки и следить за направлением движения. Едва прекращалось выкрикивание команд и небылиц, собаки останавливались. Они останавливались и тогда, когда на нарту садились оба путешественника — груз становился не по силам. Поэтому Толлю и Колчаку попеременно приходилось бежать рядом с нартой.

Чтобы лучше использовать день для астрономических определений и не так страдать от жары (даже на морозе собаки бежали с высунутыми языками, а люди обливались потом), Толль отвёл для поездок вечер и часть ночи, а день — для работы, отдыха и сна. Расставив палатку, поужинав, сделав дневниковые записи и покурив трубку, в 3 часа утра Толль и Колчак ложились спать. В 8 или 9 часов просыпались, варили концентраты (гороховое пюре с олениной), пили чай, делали астрономические измерения или топографическую съёмку побережья, а потом отправлялись в путь.

Солнце и снег. Чистейший саван бесконечной полярной зимы. На многие вёрсты — никаких признаков жизни. У Толля началась снежная слепота. От беспрестанного крика он охрип. К череде мелких неприятностей сначала старались относиться с юмором. Однажды, остановившись на ночлег, обнаружили отсутствие свёртка с зимней одеждой. Его нашли, вернувшись наутро назад, но целый день был потерян. Ещё один день был потрачен, чтобы переждать вьюгу. Третий день был малопродуктивен, потому что сначала сани провалились в трещину и их пришлось разгружать, чтобы вытащить, а потом они повредились о край тороса. После этого пришёл черёд для неприятностей покрупнее.

Подъехав к заливу Гафнера, они не сразу узнали местность — настолько за зиму всё изменилось. Когда же нашли ту самую скалу, возле которой были зарыты продукты, то увидели на этом месте восьмиметровый сугроб. Толль недоумевал, как же это он, бывалый полярник, мог устроить склад как раз с той стороны, куда наметает снег.

Первое время снег раскапывал Колчак, пребывая, по словам Толля, в «трудовом экстазе». Начальник же экспедиции ходил обозревать окрестности и охотился на куропаток. Затем и Толлю пришлось взяться за лопату. Сначала была скрыта вершина холма, а затем образовалась шахта. Чем дальше, тем труднее шло дело. Снег слежался и стал твёрдым, как рафинад. За час удавалось выкопать только один кубо-

метр. Раскапывание склада длилось целую неделю. Потом эту работу пришлось бросить.

Колчак выглядел подавленным. На волне успеха он мог творить чудеса, а неудачи всегда ввергали его в самое скверное настроение, которое он не умел скрывать. Стали думать, что делать дальше. Собаки исхудали и утомились, корма для них осталось немного, запасы керосина тоже были невелики. Не хотелось, однако, отправляться в обратный путь, почти ничего не сделав. Колчак, как мореплаватель и географ, предлагал пройти дальше вдоль побережья, делая его съёмку. Толль, как геолог, считал более интересным всё же заглянуть в глубь полуострова. Колчак, привыкший к военной дисциплине, не возражал против решения начальника.

Четыре дня они шли в глубь страны, не всегда понимая, идут ли по льду какого-нибудь фиорда или по тундре. Вокруг расстилалась однообразная пустыня, с подъёмами и спусками, с байджарахами (характерными для тундры конусовидными холмами) и гранитными валунами. Собаки везли всё хуже и хуже. Теперь уже никто не садился на нарты. Наоборот, при подъёмах Толль и Колчак сами впрягались в лямки. При спусках же ослабевшие собаки не могли бежать достаточно быстро, попадали под сани, и вся упряжка превращалась в катящийся клубок, в который заматывало и людей.

Долгое время не попадалось высокой горы, с которой можно было бы осмотреться. Тёплая погода приносила с собою тяжёлые туманы. Когда холодало — горизонт тонул в мглистой дымке. Ориентироваться становилось всё труднее. В конце концов направление движения было совсем потеряно. Толль решил, что будет разумнее, если он, выпавшись и подкрепившись, совершит однодневную экскурсию на восток.

1 мая, при ясном солнце и лёгкой позёмке, он сделал 11-часовой марш на лыжах. Потом взобрался на холм, съел сухарик со шпиком и осмотрелся. Полуночное солнце, как записал он в дневнике, «осветило однообразный холмистый ландшафт — ни одной характерной горы, ни одной гряды на бескрайней пустыне». Вершины некоторых холмов уже оголились от снега, и там путешественник находил только песок, щебень и валуны, обросшие лишайником. «Эта безотрадная пустыня угнетает своей безжизненностью», — писал он.

Повернув назад, Толль вскоре потерял свою лыжню, заметённую снегом. К счастью, не было тумана, и лыжный след впереди удалось разглядеть. Толль приехал на стоянку с окончательным решением возвращаться.

Первый переход в обратную сторону был удачным. При ясной и безветренной погоде прошли 15 километров, разбили палатку, залезли в мешки. Толль, на которого напала бессонница, мог наблюдать, как меняется погода: сквозь палатку перестало просвечивать солнце, похолодало, в зашнурованную дверь начал задувать ветер. Потом он стал раскачивать палатку, которая вскоре промокла и обледенела. Сыро стало и внутри палатки.

Пургу пережидали три дня. Питались в основном бульонными таблетками и сахаром с клюквенным экстрактом. Примус зажигали не более как на полчаса в сутки, чтобы сварить гороховые концентраты и согреть чайник. Колчак производил вычисление маршрута, Толль делал записи в геологический дневник.

На четвёртый день пурга стихла. Но едва тронулись с места, снова замело. Так повторялось несколько раз: сносная погода словно заманивала в путь, а потом начинала свистеть вьюга. Встречный ветер спирал собакам дыхание и мешал слышать голос каюра. Крошка, самая слабая из собак, падала и волочилась. Её кавалер Леска (пёс, названный почему-то именем женского рода) пытался ей помочь, поднимал её за сбрую. Но Крошке едва ли уже можно было помочь, и тогда Леска схватил свою подругу за горло. Окровавленную собаку с трудом удалось отнять. Её положили на сани и довели до стоянки. Потом её пришлось всё-таки пристрелить.

Толль и Колчак сократили обычный свой рацион наполовину, а когда случалось пережить пургу, то и до четверти. Колчак сильно ослабел, как заметил Толль. Сам он тоже очень устал. Из-за недоедания сильнее чувствовался холод, начались головные боли. Приходилось бороться с вялостью и апатией.

После Крошки очередь наступила Печати. Это была отличная собака-вожак. У неё обнаружилась какая-то болезнь, но собака тянула изо всех сил. Наутро она не смогла сойти с места, и её привязали сзади саней. Она бодро бежала, даже пыталась тянуть сани, но потом её пришлось положить сверху на поклажу.

Прежде, на зимовке, Колчак обращал на собак мало внимания. Расшалившихся щенков он без церемоний хватал за голову, за заднюю лапу, за что попало и швырял обратно в коробку, а то и за дверь. Теперь же он проникся уважением к этой мужественной собаке и предлагал довести её до «Зари». Но она отказывалась есть, уже не вставала и жалобно визжала. Её тоже пришлось пристрелить.

Леска, накануне едва не разорвавший горло Крошке, то-

же выбился из сил. Его положили на нарту, где он уснул и больше не проснулся. Двух собак пришлось оставить на дороге, в надежде, что они отдохнут, соберутся с силами и нагонят. Ни одна из них не прибежала.

Теперь пришлось самим тянуть лямку наравне с оставшимися собаками. У Колчака открылось второе дыхание, и Толль с удивлением отмечал, что он выглядит бодрее и энергичнее его. Толль, выбившись из сил, порою готов был устроиться на ночлег где попало, а Колчак настаивал на том, чтобы пройти необходимое расстояние и найти подходящее место.

Начальнику экспедиции снились сытые обеды у старых друзей в далёком Дерпте. Когда же он просыпался, его начинал мучить вопрос: «Спрашивается, каковы будут результаты всех пережитых трудностей и невероятных лишений? Пока произведена только съёмка побережья на небольшом протяжении к северо-востоку, причём установлено, что очертания берега, данные Челюскиным, правильнее тех, которые дал Нансен. Далее, брошен беглый взгляд в глубь полуострова, на скрытый за туманами пустынный тундровый ландшафт. О геологии этих мест не удалось составить себе ясного представления. И это немного стоило нам полных лишений 40 дней тяжелейшей работы и жизни нескольких собак!» Толль пришёл к выводу, что май, когда за полярным кругом несутся вьюги, предвестники весны, самое неподходящее время для путешествий в глубь тундры.

Погода наконец установилась. Но продовольствие почти закончилось (банка паштета и кубический дюйм сала были оставлены на случай непредвиденной задержки). Все надежды возлагались на склад, заложенный на месте первой стоянки.

Когда вошли в Таймырский пролив, вожак стаи Туркан, почуяв не то жильё, не то старый след, с радостным воем что есть сил потащил сани вперёд. Приободрились и другие собаки. Впрочем, стая сразу останавливалась, едва Толль и Колчак выходили из упряжки. Участие в собачьей гонке на пустой желудок становилось всё труднее. Делали остановки, выкуривали по трубке, и силы вроде возвращались.

Никто толком не понял, как проскочили склад. Толль писал, что подвело меняющееся освещение, изменившее видимые вдаль очертания берега. Когда хватились, склад был уже километров на пять позади. Решили не возвращаться. За два километра до цели собаки и люди побежали из всех оставшихся сил. 25 километров были пройдены за один переход.

В 7 часов утра 18 мая путники подошли к «Заре». Закончилась 41-дневная поездка. Первым навстречу вышел Стри-

жев, «радостный и свежий, как всегда». Затем появился Матисен, «полный и цветущий». Бируля и Зеберг были в короткой экспедиции. Вальтера только что оставил в покое суставный ревматизм, и он не выходил из каюты.

Первые три дня по возвращении Толль и Колчак чувствовали себя как в тумане. В основном ели и спали. У Толля отекли ноги, и он дней двадцать почти не сходил с корабля. А Колчак быстро вошёл в обычное своё состояние. 29 мая он отправился с доктором и Стрижевым в поездку, чтобы забрать продукты из склада, мимо которого проскочили, и закончить съёмку этой части побережья. Поездка была не из лёгких: подтаявший снег уже не держал человека, и в него проваливались по пояс, а перед самым возвращением путников накрыл сильнейший ливень. Вернувшись из поездки, Колчак закончил подробную съёмку рейда «Зари». Тогда же Бируля сделал съёмку другой части берега⁵⁹. Один из островов в Таймырском заливе Толль назвал именем Колчака.

Наступала весна. Тундра почернела, с берега доносилось журчание ручьёв. Прилетело множество птиц, запели пуночки — полярные жаворонки. В вазочке на столе в кают-компании появились скромные северные цветы — лютики, альпийская купка. Однажды Толль увидел Матисена и Колчака сидящими у фонографа. Голос неизвестной певицы исполнил романсы Мендельсона. Здесь, в экспедиции, уже около года никто не слышал живого женского голоса.

Последнее приключение, в которое попал Колчак на этой зимовке, могло окончиться плохо. Бируля и Колчак, взяв с собою двух матросов, пошли спускаться в трещину драгу. С ними увязался Грозный. Когда работа была в разгаре, откуда ни возьмись два медведя — медведица с подросшим сыном. Оказалось, никто не взял ружья. Матросы побежали на судно за винтовками, а Грозный отважно бросился навстречу медведям. Они испугались и нырнули в трещину. Более получаса, не переставая лаять, не выпускал их медведей из воды. Медведица, правда, ухватила его и утащила под лёд, но он сумел вынырнуть. Тем временем прибежали матросы и застрелили медведей. Толль потом возмущался: «Что за легкомыслие выходить невооружёнными!»⁶⁰

«Заря», освободившись от льда, покачивалась в широкой полынье.

Но выход из бухты всё ещё был заперт. Между тем Толля не оставлял в покое вопрос: где устье Таймыры? В начале августа Толль, Зеберг и несколько матросов отправились на каяке в экспедицию. Устье было найдено на 100 километрах севернее, чем оно обозначалось на карте. Тогда же рас-

копали наконец склад в заливе Гафнера и забрали часть продуктов, сколько можно было увезти на каяке. 10 августа путешественники вернулись на «Зарю».

А 12 августа вокруг «Зари» началась подвижка льда. И её понесло к выходу из бухты в открытое море. Команда на ходу спешно поднимала пары⁶¹. Если бы Толль опоздал на два дня, он остался бы на берегу. Не нагонять же судно на каяке средидвигающегося льда! На этот раз всё обошлось благополучно, несмотря на склонность Толля к рискованным решениям.

* * *

Рано утром 19 августа 1901 года Матисен разбудил Толля и сообщил, что «Заря» пересекает долготу мыса Челюскин. Разволнованный Толль быстро оделся и вышел на палубу. Тусклый свет пробивался сквозь облака. «Заря» обходила широкий ледяной пояс, отделяющий море от берега. И когда берег стал близок, Колчак, захватив инструменты для определения широты и долготы, прыгнул в байдарку. Вслед за ним на берег отправился Толль. Внезапно вынырнувший морж едва не опрокинул лодку с начальником экспедиции.

На берегу соорудили гурий, около которого все сфотографировались. Толль подавил в себе желание совершить экскурсию в глубь полуострова, где виднелись конусообразные сопки. «В настоящее время, — записал он в дневнике, — наш единственный лозунг: “Идти вперёд!”»

В полдень все были на борту «Зари», украшенной флагами и вымпелами. Толль распорядился дать салют в честь Челюскина, и вскоре «Заря» отправилась в дальнейшее плавание. Колчак и Зеберг, сделав подсчёты, определили долготу и широту мыса, на котором была сделана остановка. Он оказался немного восточнее настоящего мыса Челюскин. Безымянный мыс был назван по имени «Зари». Норденшельд в своё время тоже «промахнулся»: так появился мыс «Веги», к западу от мыса Челюскин. После норденшельдовской «Веги» с вспомогательным судном «Лена» и нансеновского «Фрама» «Заря» стала четвёртым судном, обогнувшим северную оконечность Евразии⁶².

С началом навигации, когда Матисену и Колчаку пришлось делить вахты на двоих, у них началась нелёгкая жизнь. Колчак вынужден был свести свою научную работу «к самым необходимым и крайне узким размерам»⁶³. Оба офицера нуждаются в восстановлении своих сил не менее,

чем котёл нашей «Зари» в ремонте», — отметил Толль в своём дневнике⁶⁴.

Обогнув мыс Челюскин, «Заря» вышла в море, которое когда-то называлось Сибирским, затем морем Норденшельда. Ныне оно известно как море Лаптевых. Колчак называл его Сибирским. Море было свободно от льда. Своими свинцовыми водами и низкими берегами оно напоминало Балтику. Но отсутствие встречных судов, навигационных знаков и маячных огней говорило о том, что «Заря» попала в неизведанные воды. Здесь действительно никого ещё не было, ибо маршруты Норденшельда и Нансена пролегали южнее. Толль распорядился держать курс прямо на предполагаемое место Земли Санникова.

Несколько дней донимала утомительная качка. В кают-компании сыпалась со стола посуда, в лабораториях бились склянки. А в ночь на 29 августа разыгрался нештучный шторм. «Заря» ложилась на борт, и волна накрывала шканцы, собаки барахтались в воде. В кают-компании с грохотом перевернулся огромный дубовый стол. В каютах перемешались книги, бумаги, посуда, одежда. Колчак в эту ночь стоял на вахте и управлял кораблём. Вернувшись с вахты, голодный и продрогший, он не смог даже выпить чаю.

После шторма полосами пошёл туман, так что не сразу удалось определить местонахождение судна. Мимо плыли разбитые штормом льдины. Земля Санникова нигде не показывалась. Днём 30 августа «Заря» подошла к кромке сплошного льда.

Толль стоял на шканцах и обсуждал с Матисеном создавшееся положение, когда доктор воскликнул: «Посмотрите, не земля ли это?!» Все повернули бинокли в ту сторону, куда он показывал. В этот момент опустилась пелена тумана, и на горизонте появилась величественная стена скалистого мыса. Округлой формы ледник возвышался над ним, словно купол древнего храма.

— Остров Беннетта, мыс Эммы, — уверенно сказал Матисен.

Толль и сам уже понял, что это остров Беннетта. Но если бы не рассеялась вдруг туманная дымка, его бы никто не увидел. «Теперь совершенно ясно, — записал Толль вечером в дневнике, — что можно было 10 раз пройти мимо Земли Санникова, не заметив её»⁶⁵.

До Беннетта было около 14 миль. Справа был заметен свободный проход. Но вскоре всё застлал тяжёлый туман, затем наступили ранние осенние сумерки. Два последующих дня были потрачены на поиски подходов к острову. Ближе

12 миль подойти не удалось. Только однажды в разрыве низких облаков ещё раз показались часть мыса и вершина горы. Фронт тяжёлых льдов оттеснил «Зарю» к югу. Пришлось взять курс на Котельный.

На проплывающих льдинах отдыхали, резвились и дрались моржи. Колчак не мог оторвать взгляда от этих усатых великанов, которые ему страшно нравились. А Толль обдумывал план экспедиции на остров Беннетта. Чтобы определить точно координаты главных пунктов острова, необходим астроном. У Зеберга после поездки к устью Таймыры распухли ноги и появилась одышка. Значит, надо взять Колчака, хотя не следовало бы оставлять судно с одним офицером. Хотелось бы взять также доктора, «не только как врача и охотника, но и как прекрасного товарища». Но Вальтер тоже начал жаловаться на одышку⁶⁶.

Плоские берега острова Котельного показались много скучней скалистых очертаний Беннетта. 3 сентября «Заря» вошла в Нерпичью бухту и направилась в маленькую гавань, защищённую отмелью от натиска льдов. На берегу виден был домик, сколоченный из плавника, а ещё ближе — человек, который махал рукой. Все поняли, что это К. А. Воллосович. Но встретиться с ним удалось не ранее чем через два дня.

«Заря» долго не могла пробиться к месту своей стоянки. Мешали встречный ветер, сильное течение и льды. Несколько раз садились на мель. Попытка Колчака закрепить на косе заводной якорь однажды едва не кончилась гибелью вельбота среди напирających льдин. Только быстро принятое офицером решение перерубить канат и выбросить тяжёлый якорь за борт спасло вельбот. (Впоследствии Колчак разыскал на дне и поднял якорь.) 5 сентября судно наконец прошло через узкий канал и прочно обосновалось в своём убежище.

Воллосович переправился на борт, и в его честь каюткомпания была залита электрическим светом. Вспомогательный отряд Воллосовича заложил на Новосибирских островах несколько складов для «Зари» и провёл ряд геологических, ботанических и зоологических исследований. Вслед за Воллосовичем подъехали другие участники его экспедиции — два якута, один из которых, Василий Горохов, в своё время, мальчиком ещё, сопровождал Бунге. Якуты приехали на корабль, всё осмотрели, на всё подивились, но жить предпочли на берегу, в поварне, в более привычной обстановке. Побывали на «Заре» и Ционглинский с Брусневым, которые затем уехали к местам своих зимовок.

Инженер-технолог Михаил Иванович Бруснев принадлежал к числу первых русских марксистов. В советское время

его имя упоминалось во всех учебниках истории. В 1901 году шёл шестой год его ссылки. Он собирал для гербария образцы скудной растительности восточносибирской тундры и насаживал на иглу мелких представителей её фауны. Но в отчётах на имя президента Академии наук великого князя Константина Константиновича не упускал случая «подпустить» насчёт «кулаков-торговцев», которые держат в кабале местное население, а наёмных охотников, которых в Сибири все называют промышленниками (от слова «промышлять»), именовал по-научному — рабочими.

Во время бессонницы у Толля рождались «прекрасные планы». Один из них был изложен Матисену наутро после первой встречи с Воллосовичем: почистить на «Заре» котёл, разобрать и погрузить на неё домик, что на берегу, поговорить с якутами насчёт зимовки на Беннетте, а затем сняться с якоря и подойти к острову возможно ближе. Если льды не пропустят, добраться до берега на собаках. «Заря» вернётся на Котельный, а летом заберёт зимовщиков с Беннетта.

Матисен не пришёл в восторг от «прекрасного плана». Во время шторма, сказал он, ослабла ось винта и усилилась течь, ручные насосы с ней не справляются, а паровую помпу надо чинить — на весь этот ремонт и чистку котла потребуется не менее шести дней. Толль призадумался, а вскоре, 10 сентября, вопрос решил сам собою: подул северо-восточный ветер, похолодало, по воде пошла шуга (мелкий лёд). Закончилась вторая навигация и началась вторая зимовка — в Нерпичьей бухте острова Котельного.

* * *

Вокруг поварни Воллосовича вырос маленький хуторок: домик для магнитных исследований, метеорологическая станция и баня. Строительного материала было достаточно. Могучая Лена выносила в море из таёжных глубин многие кубометры плавника, а летние штормы выбрасывали их на острова.

В бане не было шаек. Вместо них использовались большие консервные банки. Для матросов стало любимым развлечением выскочить из бани нагишом, повалиться в снегу и бежать обратно. В этих развлечениях участвовал и Колчак. Кончилось тем, что у него произошло воспаление надкостницы с высокой температурой — первый случай за время экспедиции, когда он заболел. После этого Толль запретил подобные свирепые забавы⁶⁷. Но зато смягчил сухой закон: спиртное теперь выдавалось раз в неделю — по воскресеньям.

С тех пор как «Заря» прошла через место предполагаемой Земли Санникова и не нашла её, среди членов экспедиции укрепилось скептическое к ней отношение. Говорили, что это был просто мираж, столь частый в этих широтах⁶⁸. Для Толля не обнаружение Земли Санникова было большим разочарованием и ударом по самолюбию. Конечно, он не считал, что вопрос о ней решён окончательно, но вполне допускал, что экспедиция, которой он руководит, её не найдёт. А поскольку пройти Беринговым проливом и дойти до Владивостока тоже не получалось, то результаты экспедиции представлялись ему слишком малыми. В таком случае только обследование не изученного почти острова Беннетта, как, видимо, полагал он, позволит достойно отчитаться о результатах экспедиции и вписать её в историю науки.

Толль, конечно, знал, что и без экспедиции на далёкий остров достигнуты реальные результаты — прежде всего в описании побережья и промерах глубин. Насколько это было важно, легко понять, сравнив на картах современные очертания Таймырского полуострова с теми, которые изображались в начале XX века. Ни Норденшельд, ни Нансен не вели систематических съёмок и промеров⁶⁹. Конечно, Русская полярная экспедиция тоже не засняла всего побережья, но в некоторых местах на карте были отображены результаты точных съёмки. А промер глубин «Заря» вела на всём пути своего следования.

Толль это знал. Но этого ему казалось недостаточно. Этим он отличался от Матисена, своего любимого капитана, всегда готового довольствоваться малым.

Толль несколько раз менял планы. Ему стало казаться, что с Землёй Санникова ещё не всё потеряно. Наконец он решил с началом полярного дня отправить Матисена на поиски Земли Санникова, а по его возвращении поехать самому на эту землю, если она будет открыта, в противном же случае — на остров Беннетта. Ехать вместе с Толлем согласился Зеберг, к Новому году выздоровевший. Надо было также взять с собой двух якутов-промышленников. Предполагалось, что отряд отправится в путь в феврале или марте⁷⁰.

Эти решения принимались в тяжёлой внутренней борьбе. Толль сознавал, что он должен достойно довести экспедицию до конца, но в то же время ощущал в себе начавшийся упадок сил. В начале ноября он записал в дневнике: «Зима, которая, как я ожидал, пробудит во мне интерес к работе, наступила, но большого желания работать у меня нет!.. Довольно! Я должен взять себя в руки, чтобы следовать к на-

меченной цели, которую надо во что бы то ни стало достигнуть». Потом появилась другая запись: «Этой зимой я не ощущаю того желания работать, как в прошлую». И наконец, в середине декабря ещё одна запись: «Моя работа плохо продвигается. Тревожные думы не покидают меня ни днём, ни ночью». Чтобы отдохнуть от тревожных дум и внутренней борьбы, Толль ложился на медвежью шкуру в своей каюте и мечтал «о далёком»⁷¹.

На глазах всей экспедиции угасал доктор Вальтер. У него частил пульс, отекали ноги, его сотрясал кашель, стало заметно старческое дрожание рук, ног и головы. Он говорил, что всё началось в августе, на Таймыре, когда он с места охоты притащил на спине годовалого оленя. Но ничего, успокаивал он всех и себя, скоро всё пройдёт. Когда наступало обманчивое улучшение, отправлялся на охоту. Решительно запротестовал, когда Толль предложил освободить его от дежурств на метеостанции. Вообще же стал ещё более замкнут и молчалив.

Толль видел, что момент для эвакуации доктора на материк уже упущен. Это было для него ещё одной причиной внутренних терзаний. Чтобы развлечь доктора, он заводил с ним приятные беседы о возвращении на родину: через Нагасаки, Коломбо, Бриндизи (в Италии), Мюнхен, Берлин. Доктор охотно поддерживал эти разговоры. А однажды вдруг сказал Толлю, что он точно подсчитал, сколько потребуется снаряжения и продовольствия, чтобы с Беннетта дойти до Северного полюса. «Это получается так дёшево, — говорил Вальтер, — что я мог бы предпринять это путешествие на свои собственные средства»⁷².

По вечерам они играли в шахматы в кают-компании. Известно, как раздражает шахматистов посторонний шум. Между тем в кают-компании разгорались споры «на философские темы». Активное участие в них принимал Колчак, который не умел во время споров говорить тихо. В конце концов Толль послал двух главных «философов», Колчака и Бирулю, на один из складов, чтобы привезти мяса. «Философы» охотно отправились в путь. В это время Колчак больше всего сблизился именно с Бирулей. С Матисеном у него, как уже говорилось, всегда были разные взгляды.

Вернулись они через неделю, бодрые и оживлённые. Колчак побывал на протекающей по острову реке Балыктах. В сильный мороз, заметил он, река местами промерзает до дна. Потом, под напором течения, лёд трескается, и вода течёт поверх него, пока опять не замёрзнет⁷³. Впоследствии с этим явлением столкнулись солдаты его армии в своём зна-

менитом «ледяном походе». В том походе, в котором ему не довелось участвовать.

На следующий день после возвращения Колчака и Бирули, 21 декабря 1901 года, умер доктор Вальтер. Это произошло утром, во время его дежурства на метеостанции. В полдень 23 декабря, когда полярная ночь на какое-то время растворилась в призрачных сумерках, его похоронили на вершине холма над западным мысом гавани.

Потом оказалось, что у доктора было кровохарканье, которое он скрывал. Толль приказал сжечь все его вещи, кроме бумаг⁷⁴. Так и осталось неизвестным, отчего он умер. По-видимому, у доктора образовался целый «букет» болезней.

Рождество и Новый год прошли при подавленном настроении, несмотря на устройство ёлки и праздничной лотереи для матросов. У Воллосовича вскоре обнаружили признаки неврастении, и Толль разрешил ему уехать — на второй зимовке экспедиция не была в такой изоляции, как на первой.

29 декабря Толль записал в дневнике: «Я несказанно устал! Как охотно я передал бы все свои обязанности в другие руки и отошёл от этой работы. Но мой долг довести экспедицию до конца». По-видимому, у Толля назревал нервный срыв, который он считал недопустимым для начальника. 2 января 1902 года он сообщил Матисену, что едет вместе с Воллосовичем, но не дальше первого жилья на побережье⁷⁵. Эта поездка ранее не планировалась. Она не вызывалась какой-либо внешней необходимостью. Была только внутренняя необходимость для Толля преодолеть свой нервный кризис.

15 января Толль и Воллосович, в сопровождении каюров из числа якутов, покинули зимовье. Толль остановился в якутском поселении на мысе Святой Нос, а Воллосович поехал дальше. Невидимый «телеграф» передавал по тундре вести быстро и безотказно. Толль пользовался известностью и популярностью среди местных жителей, и вскоре к нему за сотни вёрст потянулись старые его знакомые, чтобы засвидетельствовать любовь и почтение. Приехал и старый Джергели. На встречу с Василием Гороховым приехал его тесть Николай Протодьяконов. Первый был якут, а второй — эвен (ламут). В те годы происходило быстрое сближение якутов и эвенов, причём последние перенимали якутский язык и обычаи.

Толль предложил Николаю и Василию ехать с ним на Беннетт. Оба согласились, хотя не без колебаний. Тем более что некоторые старые якуты считали план Толля рискованным. И только Джергели говорил, что на Беннетте столько птиц, сколько комаров в тундре⁷⁶.

Тот же стоустый «телеграф» принёс весть, что Расторгуев, обещавший вернуться на «Зарю», заключил выгодный контракт с американской экспедицией и уехал на Чукотку, не оповестив об этом Толля⁷⁷. 30 марта Толль вернулся на зимовье.

Тем временем Коломейцев хлопотал об устройстве угольных складов. Вопрос о складе на Диксоне решился легко. Доставка же угля на Котельный, по сделанным расчётам, должна была обойтись не менее чем в 75 тысяч рублей. Комиссия по снаряжению Русской полярной экспедиции выразила готовность отпустить такие деньги, и Коломейцев выехал в Иркутск договариваться с пароходной фирмой Громовой. Фирма согласилась предоставить на это дело пароход «Лена», хотя и на очень жёстких условиях. Однако Комиссия изменила решение, отказав в отпуске денег на том основании, что стоимость доставки угля дороже самой «Зари»⁷⁸. С фирмой Громовой была достигнута договорённость лишь о том, что пароход «Лена» дойдёт до устья Лены, чтобы забрать участников экспедиции. В начале февраля на зимовье была получена телеграмма президента Академии наук о том, чтобы экспедиция ограничила дальнейшие свои задачи исследованием Новосибирских островов и окончила плавание в устье Лены⁷⁹.

Матисен отправился на поиски Земли Санникова лишь по прибытии Толля. Пока Матисен отсутствовал, за капитана был Колчак. Период его командирства был отмечен резкой стычкой с Бегичевым. Колчак послал куда-то вахтенного, а потом, забыв об этом, начал его искать. Наткнулся на боцмана и в резкой форме спросил, где у него вахтенный. «Вы сами...» — начал было Бегичев, но Колчак его уже не слушал. Произошла бурная сцена. Некоторое время спустя переполненный обидой Бегичев подошёл к Колчаку и сказал, что служить на судне больше не будет. «Почему?» — спросил Колчак. «Потому что у нас с вами вышло недоразумение». По воспоминаниям Бегичева, Колчак отвечал: «Брось ты это помнить, я уже давно забыл, и, наверно, у нас с тобой никогда этого и не будет. Я сознаю, что я виноват, сам послал вахтенного». — «Ну, мы с ним помирились», — добавил Бегичев⁸⁰. Колчак был вспыльчив, но отходчив. И не считал зазорным признать свою неправоту, в том числе и перед подчинёнными.

17 апреля Матисен вернулся с докладом, что прошёл семь миль от северной оконечности острова Котельного и наткнулся на полынью. Над ней висел туман, вдали ничего не было видно, и он повернул назад⁸¹.

В конце апреля на зимовье приехал новый врач — В. Н. Катин-Ярцев, политический ссыльный. Первым делом он провёл медицинский осмотр членов экспедиции. Все осмотренные оказались здоровы. Цинга на этой зимовке не обнаружилась. Толль уклонился от обследования, заявив, что он здоров. Впоследствии Катин-Ярцев опубликовал интересные записки о заключительном этапе Русской полярной экспедиции.

29 апреля Бируля в сопровождении трёх якутов выехал на остров Новая Сибирь. Он должен был провести там всё лето вплоть до прихода «Зари», которая должна была забрать его партию по пути на остров Беннетта.

В начале мая в краткую поездку на маленький остров Бельковский ездили Колчак и Стрижев. Колчак произвёл съёмку острова, астрономически определил несколько пунктов. К северу и западу от Бельковского он также наткнулся на полынью⁸².

После этого засобирались в путь Э. В. Толль, Ф. Г. Зеберг, Н. Протодьяконов и В. Горохов. Перед отъездом Толль написал для Матисена пространную инструкцию. В ней, между прочим, говорилось:

«Что касается указаний относительно Вашей задачи снять меня с острова Беннетта, то напомним только известное Вам правило, что всегда следует хранить за собою свободу действий судна в окружающих его льдах, так как потеря свободы движения судна лишает Вас возможности исполнить эту задачу.

Предел времени, когда Вы можете отказаться от дальнейших стараний снять меня с острова Беннетта, определяется тем моментом, когда на «Заре» израсходован весь запас топлива для машины до 15 т угля.

Представляя себе приблизительно ту же картину, которую мы видели в прошлом году, именно пояс непроницаемого льда около 14 миль, окружающий южный конец острова Беннетта, Вы, приставая к границе пака, отправите партию нескольких опытных и смелых людей к мысу Эмма. Если обстоятельства позволят, то было бы желательно с ними же отправить некоторое количество консервов к острову Беннетта для устройства депо для будущих экспедиций...

...Если поиски наших следов приведут к отрицательным результатам или Вы, вследствие неимения 15 т угля, будете принуждены взять обратный курс, не сняв меня с партией, то Вы с этим количеством угля дойдёте на «Заре», по меньшей мере, до острова Котельного, а идя частью под парусами, быть может, и до Сибирского материка»⁸³. На момент отъезда Толля в трюмах «Зари» находилось примерно 70 тонн угля.

Кроме того, Толль вручил Матисену пакет с надписью «Вскрыть, если экспедиция лишится своего корабля и без меня начнёт обратный путь на материк, или в случае моей смерти». Когда вскрыли впоследствии этот пакет, в нём оказалось письмо на имя Матисена о передаче ему всех прав начальника экспедиции⁸⁴. Возможно, Толль понимал, что отправляется в опасный путь несколько поздно. Но он твёрдо решил, что «дорога к дому лежит только через остров Беннетта». Поездка на материк предотвратила нервный срыв, но душевные силы полностью не восстановились. Возникло настроение фатализма: «Что должно свершиться, то случится!»

Перед самым отъездом Толль получил несколько писем из дома. «В письмах, — записал он в дневнике, — опять много выражений уверенности в моих силах и в успехе дела, но напрасно все так думают — у меня нет больше сил! Остаётся только надеяться, что общее доверие и любовь должны подкрепить меня и влить новую энергию»⁸⁵.

Среди прочего груза Толль захватил с собой томик Гёте. Он любил немецкую и скандинавскую литературу.

Вечером 23 мая Толль и его спутники уехали на трёх нартах, имея при себе запас продовольствия чуть более чем на два месяца⁸⁶. Толль объехал на собаках северные берега островов Котельного и Фаддеевского, переправился на остров Новая Сибирь и остановился на прибрежном льду близ мыса Высокого. Отсюда открывался прямой путь на остров Беннетта. Когда ветер взломал льды — льдину, на которой находился лагерь, понесло в нужном направлении. Четверо с лишним суток Толль и его спутники плыли на этом своеобразном корабле. Заметив, что льдина отклоняется от курса, путешественники пересели на байдарку и 21 июля высадились на остров Беннетта⁸⁷. Труднейший путь занял около двух месяцев. К этому времени почти закончилось взятое с собой продовольствие. Толль должен был теперь думать о ежедневном пропитании, об исследовательской работе и об обратной дороге. «Действительно, предприятие его было чрезвычайно рискованное, шансов было очень мало, — говорил впоследствии Колчак, — но барон Толль был человек, который верил в свою звезду и в то, что ему всё сойдёт, и пошёл на это предприятие»⁸⁸.

* * *

В течение всего июня «Заря» оставалась на внутреннем рейде. Только к 1 июля, освободив, при помощи взрывов, судно от сковывающего его льда, удалось выйти на внешний

рейд. Затем скопившийся лёд увлёк судно в своём неторопливом движении на юго-восток.

В кают-компании осталось только три человека — Матисен, Колчак и Катин-Ярцев. Разговоры за чаем и обедом по-прежнему вращались в основном вокруг полярных сюжетов, обсуждали также произведения Лескова и Боборыкина, чьи книги были в судовой библиотеке, посмеивались над поваром Фомой, взятым в экспедицию из петербургского ресторана и пытавшегося готовить изысканные блюда из скудного набора продуктов. Чтобы как-то скоротать время, стали выпускать «Журнал кают-компании», помещая туда шуточные сочинения в прозе и стихах. Перу Колчака в этом рукописном издании принадлежит заметка «Ожесточение нравов гг. членов Русской полярной экспедиции». В стиле газетной разоблачительной «сенсации» автор описывал попытки своих коллег выкормить двух совят, принесённых кем-то на борт корабля: «Мы не можем пройти молчанием печальные явления, имевшие место в последние дни на борту шхуны “Заря”. Я говорю о невероятных истязаниях, которым подвергаются две молодые совы, влачащие уже второй месяц ужасного существования»⁸⁹. Один из этих совят, начав летать, вскоре, к несчастью своему, залетел к собакам и был ими съеден. Судьба другого неизвестна.

31 июля был первый закат солнца — закончился полярный день. К этому времени «Зарю» отнесло к Ляховским островам. Только 3 августа закончилось это невольное путешествие, и на следующий день шхуна вернулась в Нерпичью бухту.

Несколько дней ушло на судовые работы. 8 августа снялись с якоря. Тем временем стало холодать, начались туманы и снегопады, в тихих заводях вода покрывалась ледяной коркой. Как писал Катин-Ярцев, достигнуть Беннетта с самого начала было мало надежды. Более определённо надеялись добраться лишь до Новой Сибири, чтобы снять партию Бирули⁹⁰.

Но с Новой Сибири Бируле и самостоятельно было легче добраться до материка, чем Толлю с Беннетта. И не только потому, что остров Беннетта гораздо дальше. Новая Сибирь находится в пределах моря Лаптевых, сравнительно мелководного. Могучие айсберги достают здесь до дна, зацепляются за него и останавливают движение льда. К северу же от Новой Сибири глубина значительно возрастает. Здесь уже открытый океан, среди которого и высится остров Беннетта. Здесь идёт вековечное движение воды и льда. Летом океанские течения уносят лёд, образуя громадную по-

лыню, осенью она заполняется отдельными льдинами и ледяным крошевом, а зимой — движущимися массами льда.

Судя по запискам Катина-Ярцева, первоначально «Заря» намеревалась пройти проливом между островами Бельковским и Котельным. Но вход в пролив был закрыт, и дрейфующий лёд стал оттеснять её к югу. Тогда Матисен решил обогнуть Котельный с южной стороны, пройти Благовещенским проливом (между островами Фаддеевским и Новая Сибирь) и подойти к мысу Высокому, где должен был ждать Бируля.

Благовещенский пролив, мелководный, с быстрым течением, считался опасным для мореплавания. Здесь «Заря» сильно повредилась. Днище наскоро зачинили, течь уменьшилась, но при дальнейшем движении судно натолкнулось на сплошную массу разбитого льда. До мыса Высокого оставалось около 10—15 миль. «Увидели на берегу Бирулину избу, — вспоминал Бегичев. — Но подойти к берегу командир побоялся, хотя был редкий лёд. Я предложил командиру: дайте мне вельбот и трёх человек. Я сниму с острова Бирулю и его людей. Но он сказал: людей на судне очень мало, и посылать шлюпку для снятия Бирули он не может». Если вдруг надвинется лёд, растолковывал командир своему боцману, то судно лишится половины матросов, а у Бирули прибавятся лишние рты, для которых у него может не хватить провизии⁹¹. В Благовещенском проливе, с его быстрыми и переменчивыми течениями, ледовая обстановка действительно могла неожиданно измениться. Но Матисен, возможно, всё же переосторожничал.

Возник план обойти Новую Сибирь с юга. Это удалось сделать, и 16 августа шхуна полным ходом пошла на север. Навстречу летели стаи гусей — наверно, с Беннетта. Вечером следующего дня лёд и сгустившийся туман заставили «Зарю» остановиться. Затем целый день был затрачен на поиски прохода среди ледяных полей — всё оказалось тщетным. Пришлось повернуть назад. Теперь Матисен собирался повторить попытку зайти с запада, но не между Котельным и Бельковским, а западнее Бельковского.

Погода совсем испортилась — снег, дождь, туман, разбитый лёд, среди которого встречались и многолетние поля. Утром 23 августа «Заря» повернула на юг. В бункерах оставалась предельная норма угля (15 т), о которой говорилось в инструкции Толля. «Если бы даже путь к Беннетту и был проходим, нам не хватило бы угля на плавание туда и обратно. Но, судя по развернувшейся перед нами картине сплошного льда с полыньями в нём, нельзя было не прийти к за-

ключению, что и эта попытка была бы повторением трёх предшествовавших», — свидетельствовал Катин-Ярцев⁹². Ни в одной из этих попыток «Заря» не подходила к острову Беннетта ближе чем на 90 миль.

Матисен не мог повернуть на юг, не посоветовавшись с Колчаком. Надо думать, что и последний не видел иного выхода. Впоследствии он никогда не отмежёвывался от этого решения и не осуждал его.

Из числа авторов, писавших на эту тему, не в пользу Матисена высказался, пожалуй, только профессор В. Ю. Визе, видный специалист по Арктике и полярник. «Это решение, — писал он, — стоило жизни Толлю и его спутникам»⁹³. Визе, впрочем, учитывал тяжёлую обстановку, в которую попала «Заря».

Мнение Визе вызвало возражения Н. Н. Зубова. «Рисковать зимовкой в открытом море среди льдов, — писал он, — притом рисковать после уже проведённых двух зимовок с недостаточным запасом угля и провизии, было нельзя... Никто из современников, знавших обстоятельства дела, Матисена не осуждал»⁹⁴.

25 августа «Заря» входила в залив Буорхая. Вдалеке виднелись наполовину покрытые снегом Хараулахские горы — северные отроги Верхоянского хребта. Наутро шхуна подошла к берегу в бухте Тикси («тикси» по-якутски — пристань). На берегу увидели палатку и людей. «Заря» отсалютовала из пушки и выкинула флаг. С берега ответили салютом из ружей. Вскоре состоялась встреча с Брусневым и тремя промышленниками, среди которых оказался и Джергели. Старик приехал повидаться с Толлем, был очень огорчён его отсутствием и высказывал желание ехать за ним на оленях, когда замёрзнет море⁹⁵.

Пароход «Лена» ещё не приходил. Матисен решил попробовать провести «Зарю» в дельту Лены. Шлюпку-четвёрку перевезли на оленях в Быковскую протоку, и Колчак, взяв с собой боцмана и двух матросов, начал делать промеры. Поиски фарватера нужной глубины шли около трёх дней и не дали результатов. «Быть может, и есть где-нибудь проход, но это, поди, надо искать целое лето, а за три дня что можно сделать!» — писал Бегичев. И всё же Колчак привёз на «Зарю» радостную весть — на подходе был замечен пароход «Лена»⁹⁶.

30 августа в бухту Тикси вошла «Лена» — тот самый вспомогательный пароход, который вслед за «Вегой» обогнул мыс Челюскин.

Спешно решались последние вопросы. Колчак подыскал

в бухте укромный уголок, куда отвели «Зарю», которую приходилось покинуть. Бруснев оставался в селении Казачьем, ближайшем к арктическому побережью торгово-экономическом центре. Он должен был приготовить оленей для партии Толля, а если он не появится до 1 февраля, то в начале весны выехать на Новую Сибирь и ожидать его там.

Опасаясь раннего ледостава, капитан «Лены» отвёл на сборы только три дня. «Лена» стала борт о борт с «Зарёй», и началась ускоренная перегрузка. Матрос Безбородов, второпях разряжая винтовку, произвёл нечаянный выстрел и попал в ногу кочегару Носову. Пуля была с развёртывающейся оболочкой, знаменитая дум-дум, печально прославившаяся во время Англо-бурской войны.

Катин-Ярцев, вбежав в кубрик, увидел Носова в луже крови. Выходное отверстие от пули было вчетверо больше входного. На «Лене» Носову была отведена самая просторная каюта. Прежде чем его переносить с нижней палубы «Зари» на верхнюю «Лены», устроили репетицию с здоровым матросом. Безбородов не знал, куда себя деть, ходил как в воду опущенный, а Носов его утешал, уверяя, что рана пустяковая.

2 сентября «Лена» снялась с якоря. «Заря», на которой остался один человек, отсалютовала ей флагом. У всех подошёл к горлу комок. Не знали, но догадывались, что это последний салют «Зари».

Речные суда редко поднимались в дельту Лены, лоцманской карты не существовало. Очень скоро пароход основательно сел на мель. Заговорили о том, что придётся ждать замерзания реки и идти по льду, а запаса провизии может не хватить. Решили ввести общий для всех паёк. Бульонных плиток осталось совсем немного, и их предназначили для Носова. Продовольственным диктатором со стороны экспедиции избрали Колчака. Так впервые, в трудный момент, его наделили диктаторскими полномочиями. Правда, его сопративителем был назначен представитель фирмы А. И. Громовой.

Первая колчаковская диктатура продолжалась недолго. Приливная волна приподняла судно, и с мели удалось съехать. Пароход медленно поднимался вверх по реке. Боясь опять наскочить на мель, лоцманы вели судно только днём. У Носова начался сепсис, и 10 сентября он умер.

12 сентября пароход прибыл в посёлок Булун — первый значительный населённый пункт на Лене. Здесь, вблизи церковной ограды, был похоронен Носов.

Город Жиганск, расположенный чуть выше полярного круга, казался даже поменьше Булуна. Когда-то это был при-

личный городок, но однажды его разграбили и сожгли ссыльно-поселенцы, и с той поры он никак не мог оправиться.

Зима шла по пятам за утлым пароходиком и нагоняла его. Пустынные берега Лены покрывались снегом, хотя уже закончилась тундра и началась тайга.

30 сентября «Лена» подошла к Якутску, и здесь пассажиры сошли на берег. Пришлось дожидаться санного пути⁹⁷. Коротая время, Колчак зашёл в местный музей, познакомился с его хранителем П. В. Олениным, политическим ссыльным. Из Якутска, через тайгу, горы и перевалы, ехали на почтовых лошадях. К сожалению, нам неизвестна точная дата первого приезда Колчака в Иркутск — город, ставший впоследствии для него судьбоносным. Видимо, где-то в ноябре удалось добраться до этих мест, где вырывается из Байкала могучая Ангара и вливается в неё маленькая Ушаковка. А в начале декабря 1902 года Колчак возвратился в Петербург.

Бросок на остров Беннетта

Известия, привезённые в Петербург Матисеном и Колчаком, встревожили друзей Толля и научную общественность. 9 декабря 1902 года состоялось заседание Комиссии для снаряжения Русской полярной экспедиции. Пригласили Матисена, Колчака и Воллосовича. Матисен и Колчак доложили о проделанной за два года работе. Доклады были приняты к сведению, но прения сосредоточились на вопросе о том, что следует сделать для выяснения судьбы партий Толля и Бирули и оказания им помощи. Необходимо было составить план действий и сделать запрос об отпуске средств.

Вскоре Матисен был вызван к Константину Константиновичу. Великий князь и президент Академии наук сообщил о планах послать «Зарю» к острову Беннетта для вызволения Толля. Спросил, не согласится ли Матисен возглавить экспедицию. К его удивлению, Матисен не только не дал согласия, но и стал убеждать великого князя в безнадёжности и опасности такого мероприятия: «Заря» слишком потрепана и нуждается в серьёзном ремонте, а в Тикси нет ни сухого дока, ни мастеров, а кроме того, к Беннетту на судне и не подобраться ближе, чем в 1901 году. В заключение Матисен в довольно категоричной форме заявил, что не может братья за дело, в успех которого не верит, не может понапрасну подвергать риску жизнь вверенных ему людей. Лучше послать на поиски ледокол «Ермак».

Великий князь был явно озадачен. Ссылка на «Ермак», видимо, показалась ему попыткой перевалить опасное дело на другого человека. Он сухо попрощался с лейтенантом и, не сумев скрыть своего недовольства, прямо при нём, не успевшем ещё уйти, сказал своему секретарю что-то насчёт «измельчавшей» молодёжи, которой в пору плавать только в Маркизовой луже (часть Финского залива от Петербурга до Кронштадта).

7 января 1903 года под председательством великого князя состоялось специальное совещание для решения вопроса о помощи Толлю, Бируле и их спутникам. Были приглашены некоторые члены Комиссии для снаряжения экспедиции, а также Матисен и Воллосович. Колчака почему-то не позвали.

Открывая заседание, Константин Константинович поставил вопрос, сможет ли «Заря» подойти к Беннетту на достаточно близкое расстояние и возможно ли будет с корабля послать на остров десант на шлюпках.

Матисен повторил в основном то, что сказал на аудиенции, добавив, что десант вряд ли будет успешен — уйдёт и не вернётся.

Матисену возражал академик Ф. Н. Чернышев, видный геолог и палеонтолог, недавно возглавлявший Шпицбергенскую экспедицию, в прошлом — морской офицер. План, изложенный в начале заседания великим князем, по-видимому, принадлежал Чернышеву. Он предлагал взять на «Зарю» нескольких опытных мезенских поморов с их лодками, которые используются для зимнего промысла.

Полной неожиданностью для присутствовавших было выступление Воллосовича. Он заявил, что в создавшейся обстановке можно обойтись без «Зари». Опытный офицер может отправиться на Мезень, нанять поморов и переправиться по суше вместе с ними и их лодками на мыс Святой Нос. А оттуда можно совершить переход на остров Беннетта, частью перетаскивая лодки по льду, частью же используя их для переправы по открытой воде.

Воллосович не был моряком, и вряд ли такой смелый и оригинальный план, опирающийся на опыт экспедиции Де-Лонга, он мог разработать самостоятельно. Скорее всего имели место консультации с Колчаком. И, по существу, Воллосович излагал его план.

Академик Чернышев, несколько озадаченный, высказал сомнение, возможно ли на мезенских лодках пройти расстояние от Новой Сибири до Беннетта. Во всяком случае, сказал он, экспедиция на «Заре» даёт больше шансов на успех, хотя обойдётся дороже.

Константин Константинович, которому явно понравился шлюпочный план, осведомился, кому же можно было бы поручить его исполнение, если бы пришлось на нём остановиться.

Слово взял секретарь Комиссии В. Л. Бианки (отец известного писателя Виталия Бианки, певца русской природы). Он сказал, что, по его сведениям, лейтенант Колчак готов возглавить такую экспедицию. Великий князь дал указание переговорить с Колчаком. Матисену же поручил заняться разоружением «Зари» — забрать с неё ценное снаряжение и инструменты и подготовить судно к продаже какой-либо частной фирме.

Дело, казалось, было решено, но через несколько дней вдруг встал вопрос о посылке «Ермака». После совещания 7 января директор Главной физической обсерватории академик М. А. Рыкачёв позвонил в Кронштадт С. О. Макарову и рассказал о состоявшихся прениях. Адмирал тотчас же выразил готовность с началом навигации отправиться на «Ермаке» к острову Беннетта. Макаров и Рыкачёв действовали очень быстро. Первый из них набросал ряд пунктов в доказательство того, что «Ермак» может отлично работать во льдах Ледовитого океана и «проникнуть в такие места, которые ещё никогда не были посещены человеком и остаются совершенно неизученными». Рыкачёв же 10 января 1903 года обратился к председателю Комиссии для снаряжения экспедиции академику Ф. Б. Шмидту с письмом, в котором доказывал, что «единственным средством спасения Толля и его спутников было бы снаряжение за ними ледокола «Ермак»». К письму были приложены макаровские тезисы⁹⁸.

Надо отметить, что Макаров активно включился в дело не только из желания помочь попавшему в беду другу. Был ещё один важный стимул — реабилитировать «Ермак». Дело в том, что первые две попытки использовать ледокол в полярной обстановке были малоуспешны. В 1899 году в районе Шпицбергена, сцепившись с торосистым льдом, «Ермак» получил значительную пробоину. В 1901 году, после ремонта и укрепления корпуса, «Ермак» вновь отправился в Арктику, имея целью обогнуть Новую Землю с севера. Однако, не дойдя до мыса Желания, северной оконечности Новой Земли, ледокол попал в ледяную ловушку. Чего только ни делали — долбили лёд кирками, поливали его кипятком — ничего не помогало. На место расколотой и растаявшей льдины из-под днища выныривала другая, побольше. В ловушке просидели целый месяц.

Потом, правда, ветер переменился, льды раздвинулись, но время было упущено, запасы угля истощились, и мыс Желания остался в области благих пожеланий⁹⁹. После этого «Ермак» был приписан к Петербургскому порту для проводки судов в зимнее время.

Идея Макарова — использовать ледоколы для навигации в Арктике — была здоровой и перспективной. Но адмирал сильно погорячился, выдвинув лозунг «К Северному Полюсу — напролом!». Такие экскурсии стали возможны лишь с появлением сверхмощных атомоходов.

После навигации в 1901 году «Ермак» был отремонтирован и усовершенствован. Возникли ещё некоторые идеи по его усилению, изложенные в макаровских тезисах. Сам Макаров набрался опыта арктических плаваний, а на должность командира «Ермака» был назначен такой опытный полярный навигатор, как Н. Н. Коломейцев. И адмирал вновь рвался в бой. Ему казалось, что предстоящая экспедиция на Новосибирские острова предоставляет уникальный шанс спасти не только Толля, но и идею использования ледоколов в Арктике.

Макаров и Рыкачёв, несмотря на поспешность своего вмешательства, всё же несколько запоздали. 9 января Комиссия уже направила Колчаку приглашение на должность руководителя спасательной экспедиции. Однако план Макарова и Рыкачёва Комиссией был рассмотрен и — отклонён. Главные возражения сводились к тому, что Норденшельдово море (море Лаптевых) довольно мелко, слабо обследовано, имеет множество банок, а вблизи Новосибирских островов глубины такие, что садилась на мель и зарывалась винтом в ил даже «Заря». Если «Ермак» сядет на мель, кто его будет стаскивать? Если же он опять попадёт в ледяную ловушку, то как прокормить его многочисленную команду во время зимовки?¹⁰⁰ Академик Чернышев, оказавшись перед выбором — «Ермак» или экспедиция на шлюпках, — склонился на этот раз, видимо, в пользу Колчака и в дальнейшем активно ему содействовал. 16 января Колчак получил первые суммы, выделенные на проведение спасательной экспедиции¹⁰¹.

Ответственное поручение, данное Колчаку, заставило его отложить свадьбу с Софьей Фёдоровной Омировой. Познакомились они в 1899 году. Сначала свадьбе помешала первая экспедиция, теперь — вторая.

Получив деньги, Колчак выехал в Мезень, а оттуда — посёлок Долгощелье на берегу Белого моря, где собирались промышленники (охотники) перед уходом на тюлений промысел. Эта поездка была удачней, чем в прошлый раз. Кол-

чаку удалось завербовать в экспедицию шестерых поморов, четверо из которых сопровождали его на самой опасной стадии путешествия.

В Архангельске Колчак получил известие, что партия Бирули в декабре минувшего года совершила благополучный переход с Новой Сибири на материк. О судьбе Толля Бируля не имел сведений. 31 января Колчак дал телеграмму Бируле в Якутск: «Поздравляю [с] счастливым возвращением. Иду на помощь Толлю. До свидания»¹⁰². Свидание состоялось очень нескоро.

Вместе с Колчаком участвовать в спасательной экспедиции согласились его старые сподвижники — Бегичев и Железников. При этом боцман подверг беспощадной критике составленный Колчаком план. Ему казалось большой глупостью тащить поморские лодки с Мезени на Святой Нос — чуть ли не через всю Россию. От лодок, говорил Бегичев, к концу пути «не останется и праха». А между тем на «Заре» есть очень прочный дубовый шестивесельный вельбот. «Но он тяжёлый», — с сомнением сказал Колчак. «Мы с Железниковым вытаскивали его на лёд», — отвечал Бегичев¹⁰³. На это возразить было нечем. Матросам лучше было знать, что тяжело, а что под силу. А Колчак умел прислушиваться к советам, даже если они исходили от простых людей.

Колчак срочно написал в Якутск П. В. Оленину, приглашая его присоединиться к экспедиции. В этом же письме он просил его приобрести собак, закупить для них корм и постараться переправить вельбот с «Зари» в устье реки Яны, откуда предполагалось совершить бросок на Новосибирские острова. На надлежащее согласование своих распоряжений с начальством у Колчака порой совсем не было времени, а потому он нередко совершал явные самоуправства — и в Петербурге, ещё не отправившись в поход, и потом в Сибири. Назначил Оленину довольно высокий оклад, прибавил жалованья поморам — и в письме к Ф. Б. Шмидту попросил возможно скорее «устроить» эту ассигновку. Чиновники из аппарата Академии наук возмущались «нахальством» самоуверенного лейтенанта, но задним числом оформляли должным образом почти всё, что он «нагородил»¹⁰⁴.

9 февраля 1903 года Колчак выехал в Иркутск, не предполагая, что ему придётся совершить кругосветное путешествие, чтобы вернуться в родной город. В те дни он был словно освобождённая пружина: неутомим, стремителен, точен в своих действиях. Первый раз в жизни он получил самостоятельное и ответственное задание. Впервые (а ему было уже под 30) он был не на вторых и третьих ролях.

К 8 марта все участники экспедиции собрались в Якутске¹⁰⁵. Отсюда лежал трудный путь по реке Алдан и его притоку Нёре, через Верхоянский хребет и по реке Сартангу до Верхоянска. Затем путешественники перевалили через хребет Кулар и 10 апреля достигли селения Казачьего на Яне — на границе леса и тундры. Казачьи избы, купеческие дома, якутские юрты, небольшая церковь — всё утопало в глубоких снегах.

Оленину удалось закупить достаточное количество собак. Однако с собачьим кормом было плохо: в Казачьем и по всей Яне случился неуров рыбы. Собаки за зиму отошали и для дальнего путешествия не годились. Не стесняясь в средствах, Колчак закупил оленины и начал откармливать стаю.

Между тем от Бегичева и Оленина, отправившихся на «Зарю», было получено известие о затруднениях с доставкой вельбота. Колчаку пришлось брать лучшего каюра и лучшую собачью упряжку и срочно ехать в Тикси.

На «Заре» он застал только Матисена. Оказалось, что вельбот находится уже в пути. Колчак переночевал в своей каюте, побродил по кораблю, на котором были уже видны следы запустения, и отправился вслед за вельботом, попрощавшись с верной «Зарёй» — на этот раз навсегда. Ни одна из судовладельческих фирм её не купила. Оставленное судно было выброшено бурей на берег. Остов и обломки «Зари» можно было видеть ещё в 30-е годы¹⁰⁶.

В первых числах мая экспедиция собралась в Аджергайдахе — самом северном поселении на материке, где в прошедшем году около двух месяцев жил Толль. В состав экспедиции входило 17 человек. Основной костяк, так называемая вельботная команда, состоял из семи человек, считая и Колчака.

5 мая начался переход на Новосибирские острова. В путь тронулись 10 нарт с продуктами, боеприпасами, одеждой и прочими вещами. Каждую нарту тащили 13 собак, а 36-пудовый вельбот был поставлен на две нарты, которые тянули 30 собак. За короткое время отдыха и последних приготовлений не удалось как следует откормить стаю. Тащила она с трудом, несмотря на то, что вся экспедиция шла в ляшках и тянула наравне с собаками. Идти приходилось лишь по ночам, когда подмораживало, и только шесть часов — после этого собаки идти отказывались.

Сильно мешали торосы. Сквозь сплошные их стены прорубались с помощью топоров и иных орудий, а потом едва ли не на руках протаскивали вельбот через пробитую узкую щель. Корм для собак вскоре кончился — охотились на ди-

ких оленей, перебивавшихся в попутном направлении с материка на острова. 23 мая экспедиция добралась, наконец, до Котельного¹⁰⁷.

Остановились в поварне Михайлова стана на южном берегу острова. Название произошло от протекающей вблизи Михайловой речки. А домик, достаточно высокий (можно стоять не наклоняясь), с застеклёнными окнами, построил Воллосович со своими промышленниками, дожидаясь «Зарю». Тогда же были построены амбар и метеобудка¹⁰⁸.

В отчёте Колчака об экспедиции, основном источнике для настоящего повествования, содержится поэтичное и вместе с тем очень точное описание смены времён года на далёком Севере. Велик соблазн привести полностью этот фрагмент: «В ночь на наш приход была сухая зимняя пурга, а на другой день сразу настала короткая полярная весна. Днём температура поднялась выше 0°, началось таяние снега, появились проталины на тундре, начался прилёт гусей, уток и куликов, а через два дня вскрылись тундренные речки... Лёд в море посинел, стали оседать и разваливаться торосы, снежная вода образовала целые озёра на толстом сажённом льде, промыла по льду русла для целой сети ручьёв и стала стекать под лёд, трещины стали расширяться в полыньи — наступило полярное лето с его постоянными туманами, дождями с мокрым снегом, с морозом и инеем по ночам и редкими ясными тёплыми днями... Грязно-бурая тундра стала покрываться цветами альпийских растений, птицы уже стали выводить птенцов и собираться в стаи, готовясь к отлёту на юг, а лёд всё ещё стоял неподвижно, несмотря на целую сеть трещин, полыней, промытых водой каналов и озёр»¹⁰⁹.

В ожидании, когда тронется лёд, члены экспедиции готовили вельбот к плаванию, занимались охотой и рыбной ловлей. Колчак на досуге начал писать свою «полярную записку» — о подготовке и ходе Русской полярной экспедиции. В предыдущем изложении эта записка многократно цитировалась. Закончить её не удалось — 18 июля крепкий штормовой ветер отогнал от берега лёд, и Колчак велел грузить вельбот. Охотники остались на берегу, вельботная команда двинулась в путь.

Вот первая запись в полярном дневнике Колчака, до сих пор не опубликованном:

«В 11 $\frac{1}{5}$ ч. мы окончили погрузку вельбота, который отвели в устье Михайловской речки, где было меньше прибой благодаря нескольким осевшим на мель льдинам. Крепкий NW [норд-вест] до 18 м, временами дует штормовыми по-

рывами; у берега прибой и небольшое волнение, несмотря на наветренное положение его. Погода ясная, солнце, иногда закрываемое быстро несущимися облаками. Отвалив от берега, я поставил сейчас же паруса и пошёл вдоль берега к Медвежьему мысу...

Через 1 ч. около 12 ч. 30 м. мы подошли к Медвежьему мысу, лёд постепенно приблизился к берегу, и сейчас же за мысом, где обрывистые скалы переходили в галечное побережье, лёд подходил вплотную к берегу; убрал паруса и пристал к берегу — дальше идти нельзя. Выйдя на берег, я поднялся на ближайшие тундровые холмы, прошёл на Ost до первой речки и осмотрел состояние льда. Лёд был сильно пожат О-ми [остовыми, то есть восточными] ветрами, дувшими без перерыва... две недели на берег; края годовалых полей с вмёрзшими мелкими обломками были выдвинуты на берег, нарастив перед собой кучи чёрной гальки...»¹¹⁰

Путники продвигались на восток вдоль южного побережья Котельного и Фаддеевского островов. По сути же дела — это один остров, разделённый на две части низменным песчаным пространством, которое Толль назвал землёй Бунге, а Колчак называл «небольшой полярной Сахарой». Штормы и приливы выбрасывали сюда много плавника.

Когда льды вплотную придвигались к берегу, приходилось искать проходы в ледяных полях. В том и заключалось преимущество вельбота, что он мог проскочить там, где застряло бы даже такое подвижное судно, как «Заря». Бесконечные прибрежные отмели вскоре заставили прокладывать курс по другую сторону широкой полосы льдов и торосов, опоясывающих берег. Тогда возникли трудности с отдыхом и просушкой, ибо вскоре после выхода в море погода ухудшилась.

Безостановочно повалил снег. Его густые хлопья застилали всё на вельботе влажным мягким покровом, который таял, попадал под одежду и вызывал дрожь и чувство холода, более сильное, чем в морозные дни. Время от времени приходилось причаливать к берегу, чтобы развести костёр и обогреться. Но вытаскивание на берег вельбота по прибрежным отмелям было настоящим мучением. Ледяная вода доходила до пояса, ноги увязали в иле. Иногда, правда, провалившись в ил чуть не до колена, нога ощущала твёрдое основание. Это был придонный лёд. Колчак считал, что таким льдом, очень древним, доисторического происхождения, выслана значительная часть моря Лаптевых.

На берегу ставили палатку, разводили костёр, сушили одежду. А потом приходилось опять бродить в ледяной воде, выталкивая вельбот на глубокое место.

Наконец решили, что легче натаскать плавника на какую-нибудь льдину и прямо на ней развести костёр, чем причаливать к берегу. Около суток пришлось провести на одной из таких льдин, когда начался шторм и снег повалил настолько густо, что сквозь него ничего не было видно. Только слышался грохот напирającego льда, а торос, давший приют путешественникам, жалобно стонал и охал, давал трещины и грозил развалиться¹¹¹.

26 июля на берегу Фаддеевского острова партия Колчака встретилась с партией Толстова, матроса с «Зари», летовавшего там с четырьмя промышленниками в надежде повстречать Толля и его спутников. Однако нигде — ни на северных берегах Фаддеевского и Котельного, ни на земле Бунге — не было найдено следов пребывания Толля¹¹².

Теперь встала задача пройти по Благовещенскому проливу и высадиться на мысе Высоком — крайней северной точке Новой Сибири.

Насколько трудно плавание в проливе, знали ещё по навигации 1902 года. Вдоль его берегов тянутся широкие отмели, а извилистый фарватер имеет ширину не более одной-двух миль. Приливы и отливы, а также действие ветров создают в проливе, имеющем воронкообразную форму, стремительные течения то в одну, то в другую сторону. Массы разбитого льда носятся из одного конца пролива в другой, напоминая грандиозный ледоход. Летний пейзаж дополняют огромные торосы, севшие у берегов на мель, подтаивающие, принимающие грибообразную форму и увешанные бахромой сосулек.

«...Мы провели, — писал Колчак, — около трёх суток на этом 25-вёрстном пространстве в самой тяжёлой, серьёзной работе, осложняемой туманом и снегом, то выталкивая вельбот на стоячие льдины, чтобы избежать напора и не быть увлечёнными стремительно несущимися массами льда, то снова спуская его на воду. Эта работа оставила у нас впечатление наиболее трудной части нашего плавания на Беннетт»¹¹³.

На мысе Высоком Колчак повстречал Бруснева. Он был один, поскольку его промышленники охотились в глубине острова. Бруснев сообщил, что ещё в марте, прибыв на Новую Сибирь, он нашёл на этом мысе записку Толля от 11 июля 1902 года, в коей сообщалось, что его партия отправляется на остров Беннетта. Бруснев попытался пройти по льду в этом же направлении, но в 30 километрах от берега натолкнулся на полынью¹¹⁴.

Колчак и его спутники отдыхали у Бруснева один день, а затем взяли курс на остров Беннетта. Когда вернулись про-

мышленники, они сначала отказывались верить, что здесь был Колчак и поехал дальше. Им казалось невозможным путешествие на лодке по Ледовитому океану¹⁵.

От мыса Высокого путь пролегал по открытому морю. Двигались то греблей, то под парусами. Изредка встречались мощные льдины, на которых располагались на отдых. Иногда приходилось устраиваться на ненадёжных обломках. Один такой обломок в последнюю ночь перед приходом на Беннетт неожиданно треснул, и вельбот едва не был потерян. Всего же путь с мыса Высокого до Беннетта занял около двух суток.

4 августа путешественники увидели чёрные, отвесно спускающиеся в море скалы с белыми пятнами залежей снега. Вокруг них летало множество птиц. Некоторые из них безбоязненно подплывали к вельботу. Кое-где на льдинах отдыхали тюлени. Сквозь необыкновенно прозрачную морскую воду, на глубине 8—9 метров было видно дно, усеянное обломками и валунами. Вельбот остановился у песчаной отмели, и путники вышли на берег¹⁶.

Как было заранее условлено с Толлем, Колчак повёл своих спутников к мысу Эммы. Здесь была найдена бутылка, в которой обнаружили записку Толля и план острова. Изучив план, Колчак понял, что поварня Толля находится на другой стороне острова. Чтобы попасть туда, надо пройти через два ледника — большой и малый. Колчак взял с собой двух человек, а остальным велел устраивать лагерь.

Через большой ледник прошли без особых затруднений. Малый же, более крутой и пересечённый трещинами, пришлось обходить с моря. Переход едва не закончился трагически.

Как рассказывал Бегичев, он шёл впереди, Колчак — за ним, а замыкал помор И. Я. Иньков. Бегичев перепрыгнул через очередную трещину и пошёл дальше, а Колчак не рассчитал прыжок и ушёл под воду. Несколько секунд его не было видно, но потом показалась его ветровка. Бегичев ухватился за неё и вытащил командира. Но лёд под ним подломился, и Бегичеву опять пришлось его вытаскивать. Подбежал Иньков. Колчака перенесли к берегу, Бегичев передел его в своё бельё. Потом раскурил трубку и вложил её пострадавшему в рот. Тогда он очнулся. Так едва не подтвердилось сложившееся вокруг острова мрачное поверье, будто он требует человеческих жертв.

Мокрая одежда Колчака лишь отчасти подсушилась на солнце. Окончательно она высохла только во время ходьбы. Бегичев предлагал Колчаку вернуться в лагерь вместе с Инь-

ковым, но Колчак не отпустил боцмана одного. Пошли дальше все вместе.

Обогнув отвесную скалу, путники вышли к устью небольшой речки. Здесь увидели избушку. Подошли, отворили дверь, лейтенант заглянул внутрь — и отпрянул. «Они умерли», — прошептал он. Но Бегичев, взглядевшись в полумрак, понял, что в поварне никого нет, а по углам — заледевший снег, который Колчак принял за мёртвые тела¹¹⁷.

В поварне нашли ящики с поломанными инструментами. В одном из ящиков оказалась последняя записка Толля.

Это был краткий отчёт о проделанной на острове работе. Толль сообщал, что площадь острова составляет около 200 квадратных вёрст, высота над уровнем моря — не выше 1500 футов (457,3 метра). Далее описывалось геологическое строение острова, сообщалось, что в долинах встречаются «вымытые кости мамонта и других четвертичных животных». Перечисляя нынешних обитателей острова, Толль называл медведей, моржей и оленей (стадо в 30 голов). С севера на юг пролетали гуси. Откуда они летели, не было видно, так как горизонт был заслан туманом.

Записка заканчивалась словами: «Отправляемся сегодня на юг. Провизии имеем на 14—20 дней. Все здоровы». И дата: 26 октября 1902 г.¹¹⁸

Размышляя над тем, что же могло заставить Толля покинуть остров в столь неподходящее время, когда наступила полярная ночь, Колчак пришёл к выводу, что только отсутствие пищи. И действительно, построив из плавника поварню, экспедиция обеспечила себя жильём. Плавник мог служить и топливом. А вот что касается продуктов, то, как догадывался Колчак, «по какому-то недоразумению партией барона Толля не было использовано удобное время для охоты и не было сделано никаких запасов». В поварне обнаружилось, например, 30 дробовых патронов. Конечно, в октябре они были уже не нужны. Но если они не были использованы, значит, в тех же пролетающих над островом гусей никто не стрелял. На острове были найдены три медвежьих шкуры. Мяса этих животных, писал Колчак, хватило бы на несколько месяцев. Но, как видно, оно было брошено на льду. Для удовлетворения текущих потребностей велась, надо полагать, только охота на оленей, о чём и сообщал Толль в записке. Колчак не обнаружил на острове оленьего стада. По-видимому, оно ушло осенью и больше не возвращалось¹¹⁹. Вслед за оленями пришлось уходить с острова и людям.

Загадка Толля становится разрешимой, если сопоставить дату его прихода на Беннетт, 21 июля, со временем ожидав-

шегося прибытия «Зари» — середина августа. В середине августа улетали на юг и птицы — как мы помним, они летели навстречу «Заре», когда она пробивалась на север. За несколько недель до предполагавшегося прихода «Зари» можно было успеть сделать только что-то одно: обустроиться и заготовить продукты на зиму или же бегло обследовать остров. Благоразумие подсказывало первое. Но этот выбор делал неизбежной зимовку. Дальняя и опасная поездка на Беннетт оказалась бы бессмысленной, если бы Толль и его спутники заготовили запасы, а потом сели на «Зарю» и уехали, не обследовав остров.

Далее, надо учитывать ещё два обстоятельства. Во-первых, наилучшее время для самостоятельной эвакуации — это февраль-март, когда заканчивается полярная ночь, слабеют морозы, а знаменитая полынья в основном ещё скована льдом, окна открытой воды сравнительно невелики. Во-вторых, геологические исследования, столь важные для Толля, лучше проводить летом, когда обнажаются выходящие на поверхность пласты. Следовательно, эвакуация снова откладывается — либо на конец лета, когда на утлой байдарке легко попасть в шторм, либо на конец следующей зимовки. Ещё две зимовки — это для Толля, истосковавшегося по дому и ощущавшего в себе упадок сил, должно было представляться, как подлинный кошмар.

При этом Толль не мог распорядиться и так, чтобы послать своих спутников на охоту, а самому заняться геологией. Собранную геологическую коллекцию Толль не смог взять с собой, покидая остров. Колчак смог взять лишь небольшую её часть. Только в 1913 году ледоколы «Таймыр» и «Вайгач», подойдя к Беннетту, забрали всю коллекцию. Очевидно, чтобы перетащить эти камни со всех сторон острова в одно место, требовались усилия всех участников экспедиции.

Имея склонность к рискованным решениям, Толль, как видно, пошёл на риск и в этот раз. Была сделана ставка на приход «Зари». Все силы сосредоточились на исследовательской работе. Когда выяснилось, что «Заря» не придёт, стрелять птиц было уже поздно. А медведи, по капризу судьбы, не всегда напрашиваются на выстрел, когда в них надобность. После ухода оленей оставаться на острове было нельзя.

Бруснев, узнав от Колчака точную дату ухода Толля, нарочно задержался, чтобы понаблюдать за морем в это время года. «Из наблюдения над замерзанием моря у берегов Новой Сибири, — писал он, — я вынес убеждение, что плавание по нему в октябре и ноябре невозможно. В густом тумане

не, который всегда стоит над полыньёй, решительно ничего не видно. Там, где к полынье можно подойти по толстому береговому льду, видно, что вода покрыта сверху массой ледяных кристаллов, “салом”, так что представляет из себя полужидкую массу, по которой не пойдёт даже самая лёгкая байдарка». Бруснев оговаривался, что олени всё же как-то проходят с Беннетта на Новую Сибирь. Видимо, есть «мости», разделяющие одну полынью от другой. Но немало животных и гибнет, добавлял он¹²⁰.

Отряд Бруснева обошёл все острова Новосибирской группы. Следов партии Толля нигде обнаружено не было. По-видимому, она погибла при переходе с Беннетта на Новую Сибирь, в ледяном аду полярной ночи.

Вполне возможно, что Толль на посту руководителя экспедиции действовал не всегда безошибочно. Но Русская полярная экспедиция под его руководством проделала большую и полезную работу, хотя сенсационных открытий не было. И, как писал Колчак, имена Толля и его спутников присоединились «к длинной записи смелых людей, положивших свою жизнь в борьбе, во имя научных исследований, с природой арктической области»¹²¹. К этому высказыванию можно присоединить слова самого Толля: «Я посвятил свои силы призванию, к которому меня влекло не только научное побуждение, но и возможность способствовать успеху истинной гуманности, конечной цели каждой науки»¹²².

Колчак провёл на Беннетте три дня. За это время он побывал во всех трёх его концах. (По своей форме остров напоминает прямоугольный треугольник, катеты которого вытянуты по широте и долготе.) Северо-восточной оконечности Беннетта Колчак дал наименование полуострова Эмелины Толль, юго-восточной — Чернышева. Самую высокую гору на острове Толль назвал именем Де-Лонга. Другую вершину, более отлогую, Колчак назвал горой Толля. Двум ледникам на вершинах этих гор Колчак дал имя Зеберга. К сожалению, писал Колчак, во время купания испортился anerоид, и это не позволило точно определить высоту ледников¹²³.

Приближалась осень, надо было торопиться с отъездом, чтобы не разделить участь Толля. Выяснив относительно его судьбы всё, что было можно, Колчак решил покинуть остров при первом же попутном ветре. Такая возможность предоставилась очень быстро, так что времени для более детального обследования острова не оказалось.

7 августа вельбот отошёл от берегов Беннетта. В море уже появилось много льда, а на подходе к Новой Сибири море-

плаватели попали в пургу со снегом и дождём и сильным волнением.

У Бруснева на Новой Сибири Колчак и его спутники на этот раз отдыхали три дня. 14 августа они отправились дальше. Два дня снова занял проход по Благовещенскому проливу. Дальнейшее плавание, по словам Колчака, сопровождали «свежие погоды со снегом, крупной волной и массы льда». 27 августа, после 40-дневного отсутствия, путешественники высадились на Михайловом стане. Сюда же подошли и летовавшие на Котельном промышленники. Вся экспедиция оказалась в сборе. Сентябрь и октябрь прошли в охоте на оленей и в ожидании, когда станет море. В середине ноября тронулись в путь¹²⁴.

Впереди партии шёл Бегичев. Он и прибыл первым на материк. Оказалось, что здесь экспедицию поджидал один из местных якутских князей с четырьмя слугами и стадом оленей в сто голов. Князь сообщил, что ещё осенью в Казачье приехала какая-то дама, которая до сих пор их ожидает. Она и выслала для экспедиции вина и провизии. Бегичев недоумевал. «Молодая она или старая?» — спросил он, думая, что, возможно, приехала баронесса Толль. Нет, дама оказалась молодой. Тогда боцман понял, что к командиру приехала невеста.

Подъехавший Колчак сказал: «Не может быть», — и разволновался. В это действительно трудно было поверить. Так далеко за полярный круг, наверно, не заезжала ещё ни одна петербургская барышня.

Встреча Колчака с Софьей Фёдоровной Омировой произошла 7 декабря в Казачьем. Морозы доходили до 55 градусов. Члены экспедиции разместились в управе, а жениху и невесте отвели отдельную квартиру. Устроили скромное торжество. Софья Фёдоровна рассказывала, что в Петербурге мало надеются на благополучный исход экспедиции и даже хотели её вернуть, но она уже ушла так далеко, что связь с ней порвалась¹²⁵.

Действительно, в столице многие не верили, что экспедиция сможет добраться до Беннетта. И вновь встал вопрос о посылке «Ермака» на поиски Толля. 13 января 1904 года газета «Новое время» писала: «...Академия наук молчит... Непростительное равнодушие к погибающему. По-видимому, надежды найти его на Новосибирских островах, как мы думали, отправляя туда санную экспедицию на розыски, безнадежны; на яхту “Заря”... тоже надежды, как пишут, плохи... Но самое лучшее — другое верное средство. У нас есть превосходное судно для подобных полярных плаваний,

которому позавидовал бы сам Нансен, есть и опытный командир для полярных плаваний, найдётся сколько угодно команды. Это ледокол “Ермак”...» Не исключено, что эту заметку в столичной газете организовал академик Рыкачёв, если не сам «опытный командир».

В первых числах января 1904 года путешественники добрались до Верхоянска, а 26 января прибыли в Якутск, откуда Колчак дал телеграмму президенту Академии наук о том, что партия Толля ушла с острова Беннетта осенью прошлого года и бесследно исчезла. Эта телеграмма была опубликована во многих газетах.

Экспедиция достигла цели и благополучно вернулась, не потеряв ни одного человека. Колчак мог гордиться этим. Не вина спасателей, что Толлю и его спутникам уже ничем нельзя было помочь. Прославленный путешественник П. П. Семёнов-Тян-Шанский оценивал экспедицию Колчака как «важный географический подвиг». В 1906 году Русское географическое общество присудило Колчаку «за участие в экспедиции барона Э. В. Толля и за путешествие на остров Беннетта» свою высшую награду — Константиновскую медаль¹²⁶.

Однако стремительный бросок в глубь Арктики, совершённый из благородных чувств и на пределе человеческих возможностей, не прославил Колчака. (В отличие, скажем, от Стенли, который после встречи с Ливингстоном сразу стал знаменит.) Кто приносит плохие вести, тот не становится героем. Одна из петербургских газет назвала Колчака «неудачным северным Стенли»¹²⁷. А кроме того, события на Дальнем Востоке заслонили конец полярной эпопеи, связанной с именами Толля и Колчака.

И всё же эти четыре года, затраченные на две экспедиции, были, возможно, лучшим временем в жизни Колчака. Полярный Колчак, весёлый, бородатый, отважный, стремительный — это словно герой из Джека Лондона. Полная уверенность в себе, в своём деле, в своих товарищах. Ни тени разъедающего сомнения в своей звезде и своей судьбе. Такого Колчака больше не было.

* * *

В Якутск пришли телеграммы о нападении японского флота на русскую эскадру в Порт-Артуре и о начале Русско-японской войны. Эти новости взволновали Колчака. По-видимому, уже из Якутска он дал телеграмму президенту Академии наук с просьбой вернуть его, в связи с началом

войны, в морское ведомство. Разрешение было получено, и Колчак по телеграфу же послал ходатайство направить его в Порт-Артур. Отцу была адресована просьба благословить брак и приехать на свадьбу в Иркутск.

Путешествие из Якутска в Иркутск продолжалось с 3 по 26 февраля¹²⁸. В Иркутске Александр Васильевич и Софья Фёдоровна поселились в гостинице «Метрополь». Здесь же остановился и приехавший из Петербурга В. И. Колчак. Возникло новое препятствие: военный не мог жениться без дозволения начальства. На этом основании местный архиерей не разрешал венчание. Пришлось вновь обращаться к великому князю, хотя, строго говоря, Колчак уже вышел из его подчинения. Но Константин Константинович не был бюрократом. Он поставил на телеграмме размашистую резолюцию: «Разрешаю».

2 марта, в ожидании телеграммы от великого князя, Колчак выступил в музее Географического общества с лекцией о результатах поисков Толля и его спутников¹²⁹. Телеграмма наконец пришла, и 5 марта 1904 года А. В. Колчак и С. Ф. Омирова повенчались в иркутской Михаило-Архангельской церкви. Со стороны жениха поручителями были генерал-майор В. И. Колчак и боцман Н. А. Бегичев, со стороны невесты — подпоручик И. И. Желейщиков и прапорщик В. Я. Толмачёв¹³⁰ (как видно, недавние иркутские знакомые Колчака).

Софья Фёдоровна была на два года моложе Александра Васильевича. Воспитывалась в Смольном институте, знала несколько иностранных языков, в том числе, как писал Р. А. Колчак, «французский, английский и немецкий — превосходно». Письма её к мужу показывают её как женщину некрепкого здоровья, несколько обидчивую и очень самостоятельную в суждениях. Всё зло современной жизни она видела в «нечестности и материализме» (то есть в погоне за материальным благополучием). Любила повторять афоризм Петра I: «Кому деньги дороже чести, оставь службу»¹³¹. Эти взгляды породнили её с А. В. Колчаком, хотя брак их вряд ли можно назвать счастливым.

Почти через 16 лет, в этом же городе, Колчак говорил на допросе, что тесть его был судебным деятелем¹³². По-видимому, Колчак мало интересовался, кем был покойный Ф. В. Омиров, которого он никогда не видел, а к тому же, наверно, перепутал казённую палату с судебной, поскольку не очень разбирался в системе учреждений гражданского управления. В действительности Омиров был управляющим Подольской казённой палатой, местным органом Минис-

терства финансов. Вышел он из духовного сословия¹³³, сделал неплохую карьеру, но, управляя казёнными финансами, собственных финансов не накопил. Дети, осиротевшие после его ранней смерти, оказались в очень стеснённом положении. Впоследствии Колчак из скромного своего жалования помогал получить образование родственникам жены.

Боцман Бегичев изъявил желание ехать вместе с Колчаком в Порт-Артур. Тогда их короткая дружба была в самом расцвете. Думали, что навсегда будут вместе. Колчак сдал дела по экспедиции Оленину, написал краткий отчёт, отправил в Петербург поморов под командой Железникова, а сам, попрощавшись с отцом и женой, 9 марта 1904 года вместе с Бегичевым выехал в Порт-Артур¹³⁴.

* * *

Судьба Э. В. Толля и его спутников была наконец выяснена, хотя этому не сразу поверили. Ещё в феврале 1904 года журнал «Мир Божий» высказывал надежду увидеть Толля среди живых. (Статья о нём была подписана инициалами В. К. — возможно, В. Г. Короленко, который мог знать Толля со времён своей якутской ссылки¹³⁵.)

Что же до Земли Санникова, призрак которой увлёк к гибели Толля, то споры о ней продолжались ещё долгое время. Хотя Колчак в конечном счете пришёл к выводу, что таковой не было и нет. «Заря», писал он, прошла совсем недалеко от предполагаемого её места, но никто её не видел, хотя горизонт временами разъяснялся. Не видел её и Нансен, хотя «Фрам» тоже прошёл примерно в тех же местах. Более того, промер глубин показал, что как раз с этих мест начинается глубоководная часть океана.

По словам Толля, продолжал Колчак, на расстоянии приблизительно 100 миль он видел землю с четырьмя плоскими вершинами. Расчёты показывают, что с такого расстояния можно видеть горы высотой не менее 7570 футов (около 2306 метров). На всём севере Сибири, писал Колчак, нет таких гор, тем менее они вероятны на границе глубоководного океанского бассейна. Можно, конечно, думать, что полярный мираж как бы «приблизил» Землю Санникова к наблюдателю. Но с ещё большей вероятностью можно предположить, что объектом игры света и воздуха, по словам Колчака, оказалась «какая-нибудь туманная банка с очень устойчивой формой, часто появляющаяся над полынками и трещинами в ледяном покрове во время морозов, или искажённая и увеличенная гряда торосов»¹³⁶.

Но, вопреки Колчаку, легенда о Земле Санникова продолжала жить. В 1913 году ледокол «Таймыр», обогнув с севера Новосибирские острова, тоже не обнаружил никакой земли¹³⁷.

Уже в советское время через этот же район пролёг дрейф ледоколов «Седов», «Садко» и «Малыгин». А затем стала летать полярная авиация, также ничего не заметившая. Среди полярников стала утверждаться мысль, что Санников и Толль приняли за землю огромные айсберги, которые возвышаются над морем порой до 30 и более метров. Имея при этом «декоративную отделку» в виде песчано-глинистых полос и валунов, они неотличимы издали от настоящей земли¹³⁸. Если эта догадка верна, то Санников и Толль видели, конечно, разные айсберги, а вот Толль и Джергели могли видеть один и тот же, севший на мель недалеко от Котельного и просидевший на ней несколько лет.

В 1946 году полярный гидролог В. Н. Степанов, обнаруживший местное повышение грунта в районе предполагаемой Земли Санникова, выдвинул другую версию. По его мнению, Земля Санникова действительно существовала, но была сложена в значительной степени из ископаемого льда, перемешанного с песком. Начавшееся в Арктике потепление привело к тому, что Земля Санникова растаяла и ушла под воду. В доказательство учёный ссылался на судьбу острова Васильевского в том же архипелаге. Этот остров был открыт Анжу, в 1912 году к нему подходил ледокол «Вайгач», а в 1936 году на его месте нашли трёхметровую банку (мель глубиной в 3 метра)¹³⁹. Ископаемый лёд, кстати говоря, играет немалую роль в геологическом строении и некоторых больших островов Новосибирского архипелага — прежде всего Новой Сибири и Большого Ляховского.

Последним защитником Земли Санникова был автор одноимённого романа, известный географ, академик В. А. Обручев. Соглашаясь, что гипотеза Степанова выглядит правдоподобно, он вместе с тем утверждал, что вопрос ещё далеко не решён. «Фрам», «Заря» и «Таймыр» могли не заметить землю в тумане. «Седов», «Садко» и «Малыгин» дрейфовали во время полярной ночи. А с самолёта можно и не увидеть небольшой островок, который либо закрыт облаками (арктическое лето всегда туманно и пасмурно), либо сливается с окружающим льдом. Но ведь летят же откуда-то с севера гуси, которых видели Нансен с «Фрама» и Толль на Беннетте. Не на льдах же они выводят птенцов. Значит, не исключено, доказывал Обручев, что где-то к северу от Новосибирских островов есть ещё не открытая земля¹⁴⁰. Отку-

да летели гуси, которых видел Толль на Беннетте, действительно непонятно. Но это, видимо, вопрос из какой-то другой области.

Землю Санникова больше никто не ищет. Но она прочно вошла в число мировых загадок. Растворилась ли она в воздухе, как туманный мираж, или, снявшись с мели, продолжила свой путь и затерялась в ледяных просторах? А может быть, скрылась под водой, так и не дождавшись своего первооткрывателя.